

ПОКА ТЫ НЕ ПОТЕРЯЕШЬ КОНТРОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арика Ретнас Пока ты не потеряешь контроль

<https://litres.ru/74612698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмилия Дюбуа умеет три вещи: находить ложь в старинных манускриптах, вычислять вероятность предательства до десятых долей и никогда никого не подпускать ближе вытянутой руки. Доктор филологии Сорбонны построила безупречную жизнь из тишины, книг и железного самообладания. В ее формулах нет неизвестных. Пока в аудитории не появляется он.

Ромео Беранже — главный спортивный аналитик «ПСЖ», чей мозг просчитывает чужие ошибки за секунды до удара, а прошлое офицера разведки зачищено до белых пятен. Он не оставляет следов, не знает слова «нет» и видит людей как набор уязвимых мишеней.

Она встретила его ледяной иронией и запертыми дверями. Он ответил осадой, где каждый ход бьет точно по нервам. Но когда архивные документы уничтоженного дублинского синдиката превращают Эмилию в живую добычу для европейских наемников, именно он не остается в стороне.

Милли либо добровольно отдаст ему свой пульс, либо проиграет войну, где ставка — не выживание.

Ставка — контроль. И он уже перешел в его руки.

Содержание

Пролог. Погрешность нуля	5
Глава 1. Абсолютная константа	11
Глава 2. Анатомия женских секретов	17
Глава 3. Синтаксис желания	25
Глава 4. Погрешность первого впечатления	32
Глава 5. Тень на Гей-Люссак	42
Глава 6. Гений на службе «ПСЖ»	48
Глава 7. Письмо без обратного адреса	55
Глава 8. Призрак аудитории номер 2	62
Глава 9. Охота на хищника	69
Глава 10. Послание на стекле	75
Глава 11. Пробоина в системе	81
Глава 12. Невидимый конвой	88
Глава	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Арика Ретнас

Пока ты не потеряешь контроль

Пролог. Погрешность нуля

Париж. Университет Сорбонна, библиотека Сент-Женевьев.23:42.

В латинском языке нет слова для обозначения страха, который не имеет звука.

Эмилия Дюбуа знала это точно. Как знала и то, что теория вероятностей не признает понятия «предчувствие». Есть лишь сухие математические переменные: площадь сводчатого зала — шестьсот сорок квадратных метров, высота дубовых стеллажей — четыре с половиной метра, толщина вековых стен из песчаника — восемьдесят сантиметров.

И один выход, запертый изнутри на тяжелый кованый засов.

Под зеленым матовым абажуром настольной лампы лежали три открытых манускрипта шестнадцатого века и тонкая флешка в титановом корпусе. На экране ее ноутбука рядом бежали дешифрованные банковские проводки — те са-

мые «черные хвосты» уничтоженного ирландского синдиката, которые не сгорели в пламени Блэквуд-Хауса. Документы, за которыми стояли имена людей, привыкших покупать министров оптом и стирать свидетелей в пыль.

За стрельчатыми окнами хлестал холодный октябрьский ливень, размывая огни площади Пантеона в мутные желтые кляксы. В библиотеке пахло сухой бумагой, пчелиным воском, вековой пылью и озоном от старой проводки.

Именно этот запах заставил Милли замереть.

Озон. Но гроза уже ушла на восток.

Она не сделала резких движений. Пальцы, державшие перьевую ручку, застыли в миллиметре от листа бумаги. Ее слух, натренированный годами работы в гробовой тишине читальных залов, уловил то, чего здесь быть не могло.

Ночной смотритель, месье Баро, страдал артритом левого колена. Его шаги по паркету всегда отдавались сдвоенным, шаркающим ритмом каждые сорок минут.

Сейчас шагов не было. Но воздух в глубине седьмого пролета между стеллажами средневековой теологии внезапно... дрогнул.

Температура в зале словно упала на пару градусов. Сквозняк шевельнул тяжелые бархатные портьеры, принеся с собой едва уловимый, чужой аромат: мокрая синтетическая ткань, оружейная смазка и сладковатый, тошнотворный дух свежей, еще не остывшей крови.

Милли медленно перевела взгляд на старинное зеркало в

темной раме напротив своего стола.

В полумраке галереи второго яруса, прямо над ее головой, что-то висело.

Капля.

Густая, темная, почти черная в тусклом свете лампы. Она сорвалась с деревянных перил балкона и с глухим, мягким шлепком упала прямо на раскрытую страницу латинского трактата, заливая аккуратный рукописный текст алым пятном.

Сердце Милли пропустило удар, а затем заколотилось в гортани с частотой сломанного метронома.

Она не закричала. Академический ум за долю секунды выдал расчет: наблюдатель мертв на верхнем ярусе. Телефон лежит в полуметре.

Она потянулась к экрану смартфона.

Связи не было. На индикаторе горел пустой серый крест — портативный глушитель радиочастот армейского образца. Радиус действия — тридцать метров.

«Расстояние до выхода — двадцать четыре метра. Преодоление дистанции на каблуках — семь секунд. Вероятность перехвата стрелком из темноты — девяносто шесть процентов».

— Погрешность, — едва слышно, одними пересохшими губами прошептала Милли. — Чистая статистическая погрешность...

Из темноты между стеллажами раздался тихий, почти

вежливый щелчок.

Звук снятого предохранителя.

Красная лазерная точка, тонкая, как игла, прочертила корешки старинных книг, скользнула по полированному дереву стола и замерла точно в центре белой шелковой блузки Милли — прямо напротив левого желудочка сердца.

— Не двигаться, доктор Дюбуа, — раздался из тени шепот с жестким восточноевропейским акцентом. — Руки на стол. Медленно. Папка на флешке нужна живым людям. Вы в этот список не входите.

Воздух в легких Милли застыл колючим льдом. Она видела лишь темный силуэт в тактической маске, поднимающий короткий пистолет с глушителем. Пальцы наемника уже начали выбирать свободный ход спускового крючка.

Она поняла: это конец. Никакая логика, никакие формулы Сорбонны не спасают от девяти граммов свинца.

И в эту секунду темнота за спиной стрелка ожила.

Это не было похоже на человеческое движение. Это был бросок тени — без звука, без шороха ткани, без колебания воздуха.

Из черного провала между книжными шкафами возникла фигура в темно-сером пальто. Широкая ладонь в беспалой перчатке намертво запечатала лицо наемника, наглухо глуша любой возможный вскрик. Вторая рука с хирургической, пугающей точностью перехватила затылок мужчины.

Хруст.

Короткий, сухой звук ломающихся шейных позвонков прозвучал в тишине библиотеки громче раската грома.

Глаза наемника остекленели за долю секунды. Он даже не успел нажать на спуск. Лазерная точка на груди Милли дернулась и погасла. Тело наемника мягко, безвольно осело на паркет, скрытое под тяжелыми полами темного пальто его убийцы.

Милли вжалась спиной в кресло, судорожно хватая ртом воздух, не в силах оторвать взгляд от неподвижного трупа у своих ног.

Человек в пальто медленно перешагнул через тело.

Он подошел к ее столу неслышной, ленивой походкой хищника, для которого чужая смерть была лишь строчкой в протоколе зачистки. Достал из кармана тонкий платок, методично вытер костяшки пальцев, испачканные пылью, и бросил ткань прямо на залитую кровью страницу трактата.

Свет настольной лампы выхватил его лицо.

Ромео Беранже.

Никакой спешки. Никакой одышки. Лишь идеальные серые глаза, в которых не читалось абсолютно ничего человеческого, и темная, обещающая катастрофу тень на дне зрачков.

Он оперся обеими ладонями о край ее письменного стола, нависая над парализованной от ужаса женщиной, сокращая расстояние между их лицами до одного общего вдоха.

— Вы ошиблись в расчетах на две секунды, доктор фило-

логии, — его низкий, вибрирующий голос разрезал тишину, заставляя волоски на ее коже встать дыбом.

Ромео скользнул тяжелым взглядом по ее прерывисто вздымающейся груди, заглянул в расширенные от шока зрачки и медленно, с дьявольской усмешкой опустил ладонь на ее холодные пальцы:

— Теория вероятностей мертва. Ваш закрытый периметр взломан. И с этой секунды... вы принадлежите мне.

Он наклонился к ее уху и выдохнул в самые губы:

— Добро пожаловать в мой аналитический отдел, Милли. Начинаем первый раунд.

Глава 1. Абсолютная константа

В теоретической лингвистике существует понятие безупречной структуры. Это предложение, в котором ни одно слово нельзя заменить синонимом без потери смысловой плотности, где каждый союз стоит на выверенном месте, а пунктуация подчинена железной логике академического канона.

Эмилия Дюбуа строила собственную жизнь именно по такому принципу.

В ее двадцать восемь лет в личном деле доктора филологии и младшего профессора кафедры сравнительного языкознания Сорбонны не было ни единой пометки. Никаких случайных связей, никаких импульсивных кредитов, ни одной заваленной сессии или несданной вовремя исследовательской монографии. Ее мир пах старой кожей переплетов библиотеки Сент-Женевьев, терпким черным кофе без сахара, мелом и свеженапечатанными типографскими гранками.

С самого раннего детства Милли усвоила одно непреложное правило: второе место — это просто первое среди проигравших.

В престижном парижском лицее Людовика Великого другие девочки плакали из-за разбитых коленок или мальчиков из старших классов; Эмилия плакала лишь однажды — когда

на общенациональной олимпиаде по древнегреческому языку ей выставили девятнадцать целых и восемь десятых балла из двадцати возможных. Она потратила две недели, чтобы оспорить эти две десятые в апелляционной комиссии министерства образования, доказав профессорам с сорокалетним стажем, что вариант перевода глагольной формы у Гомера допускает вариативность в контексте дорийского диалекта. Ей вернули высший балл. Комиссия аплодировала стоя.

Она защитила докторскую диссертацию по средневековым романским диалектам в двадцать шесть, став самым молодым исследователем в своем секторе за последние полвека. Ее кабинет на четвертом этаже исторического корпуса Сорбонны в Латинском квартале напоминал лабораторию хирурга: идеальные стопки монографий, систематизированные по хронологии каталоги рукописей, перьевая ручка, лежащая строго параллельно краю полированного дубового стола, и абсолютная, вымороженная тишина.

Милли верила в формулы, логические связки и теорию вероятностей. Для нее не существовало хаоса — существовали лишь переменные, которые человеческий мозг пока не успел классифицировать.

Но в этой строгой, выверенной математической системе координат существовало одно грандиозное, иррациональное и совершенно не поддающееся логике исключение.

Константа по имени Ника и Кейт.

В математике константа — это величина, сохраняющая

постоянное значение при любых преобразованиях системы. Что бы ни происходило во внешней среде — термоядерный взрыв, экономический дефолт или падение метеорита, — константа остается неизменной.

Их дружба родилась вопреки всем законам социологии и здравого смысла.

Они были треугольником — самой устойчивой геометрической фигурой во Вселенной, но собранной из абсолютно несовместимых материалов.

Ника Моро — взрывная, острая как бритва чемпионка по фигурному катанию, чей мир состоял из выбитых суставов, хруста сухожилий, ледяного блеска арены и слепого, яростного упрямства. Ника сначала била коньком в челюсть, а потом спрашивала имя.

Кейт О'Коннор — ирландская стихия с глазами цвета штормового океана, женщина с покалеченной душой и руками гения, выжигавшая свою боль в кутюрных шедеврах, способная зарезать врага прямо на постели и не дрогнуть.

И Милли. Девочка с золотыми очками на тонкой переносице, которая держала в голове карту европейского законодательства, говорила на шести языках и могла за сорок минут найти поддельные манифесты для аренды закрытых взлетных полос.

Их жизни должны были разойтись еще на первом году знакомства, но вместо этого сплелись в глухой, нерушимый морской узел.

Когда Ника падала с четверного акселя и лежала на льду со сломанной ключицей, именно Милли сидела в реанимации двое суток, переводя самые сложные медицинские термины немецких хирургов и контролируя дозировки обезболивающего. Когда Кейт пряталась в полуподвале на бульваре Вольтер от призраков своего белфастского прошлого, именно Милли оформляла фальшивые налоговые декларации и выбивала для нее статус беженки без права экстрадиции.

Они никогда не задавали друг другу лишних вопросов. Если Ника звонила в четыре утра и говорила: «Мне нужно срочно встретиться», Милли не возмущалась — она открывала ноутбук и рассчитывала время прибытия барж на Сене и радиус покрытия камер видеонаблюдения.

Это была верность высшего порядка. Абсолютная, беспрекословная, вьевшаяся в подкорку.

Милли могла читать нотации студентам за криво оформленные сноски, могла выгонять из аудитории за опоздание на сорок секунд, но ради Ники и Кейт она без колебаний взламывала закрытые серверы министерства юстиции и переступала через закон.

Она сделала глоток остывшего кофе из тонкой фарфоровой чашки и перевела взгляд на подоконник своего кабинета.

Там, в тяжелой хрустальной вазе с водой, стоял свадебный букет.

Белые садовые розы и фрезии из Сен-Тропе. Цветы уже начали подсыхать по краям лепестков, источая тонкий, слад-

коватый аромат южного побережья.

Милли невольно нахмурилась, и кончики ее ушей под гладким пшеничным каре предательски обожгло жаром.

Вся ее безупречная, годами выстраиваемая защита дала кажется первую трещину ровно три недели назад на той самой террасе у моря.

Она помнила каждую секунду с пугающей, кинематографической четкостью: летящие в сумерках цветы, глухой удар стеблей о ее ладони, звон бокалов и... шаги.

Ромео Беранже.

Человек, чье существование нарушало все известные законы теории вероятностей.

Милли привыкла классифицировать людей как грамматические структуры: вот субъект, вот предикат, вот второстепенные члены предложения. Но Ромео не укладывался ни в одну схему. Бывший офицер армейской разведки, наемник с мертвым прошлым, а ныне главный аналитик футбольного клуба «ПСЖ», он двигался в пространстве так, будто мир вокруг был полигоном для зачистки.

В его повадках не было академической вежливости. В его серых, не знающих усталости глазах не читалось ничего, кроме холодного расчета хищника, который точно знает убийную силу каждого предмета в комнате.

И этот хищник пообещал прийти за ней.

«С точки зрения теории вероятностей, доктор филологии... вам пиздец. Завтра в восемь я жду вас на кафедре».

Его хриплый, низкий голос до сих пор звенел в ее ушах, заставляя пульс сбиваться с академического ритма.

Милли тряхнула головой, решительно сгоняя наваждение, поправила тонкую золотую дужку очков и с силой опустила перьевую ручку на лист рукописи.

— Чушь, — прошептала она в тишину пустого кабинета.
— Статистическая аномалия. Не более того.

Она открыла журнал посещаемости лекций. До начала первого семинара по старопровансальской поэзии оставалось ровно пятнадцать минут. Мир был упорядочен, безопасен и понятен.

Но за высокими стрельчатыми окнами Сорбонны уже сгустились октябрьские тучи, и Эмилия Дюбуа даже не догадывалась, что часовой механизм ее персональной катастрофы уже запущен.

Глава 2. Анатомия женских секретов

Приватная терраса на крыше ателье «O'Connor» на улице Тюренн была закрыта от любопытных глаз плотной стеной вечнозеленого лавра и коваными решетками. Париж кутался в золотую листву, солнце лениво грело серый цинк крыш, а в воздухе смешивался аромат крепкого эспresso, свежих круассанов с фисташковым кремом и травяного чая с мелиссой.

За круглым мраморным столиком заседал их неизменный генеральный штаб.

Кейт сидела, вальяжно откинувшись на подушки ротангового кресла. Ее живот на восьмом месяце уже напоминал идеальный монумент, обтянутый мягким кашемировым платом цвета терракоты. Она выглядела потрясающе — по-королевски спокойная, с гладкой сияющей кожей, хотя время от времени страдальчески вздыхала, когда будущая наследница капитана французской сборной устраивала внутри показательные спарринги.

— Если Марко еще раз попытается замерить интервалы моих тренировочных схваток по секундомеру с тренировочной базы «ПСЖ», я вобью этот свисток ему в глотку, — ле-

ниво протянула Кейт, отправляя в рот ломтик персика. — Он вчера притащил в спальню план родов в трех экземплярах, заламинированный! Там расписаны фазы дыхания, угол наклона кровати и список треков, под которые ребенок должен выходить на свет. Он выбрал гимн Лиги чемпионов, вы представляете?!

Ника, сидевшая напротив в короткой кожаной куртке и спортивных леггинсах, неприлично громко заржала, чуть не расплескав свой матча-латте: — Гимн Лиги чемпионов?! Боже, Дюран неисправим! Он на родах будет стоять в судейской форме и показывать акушери желтые карточки за затяжку времени. «Мадам, добавьте две минуты компенсированного времени, головка еще не в штрафной!»

— Примерно так всё и будет, — вздохнула Кейт, но в ее изумрудных глазах плескалась такая безграничная, теплая нежность, от которой терраса словно нагревалась еще сильнее. Она потеряла поясницу и оживилась: — Короче, девочки, меня достало, что рынок одежды для беременных считает нас либо гигантскими бесформенными зефирками в пастельных тонах, либо престарелыми монахинями. Женщина с животом — это чертова богиня плодородия и секса, а не мешок с картошкой.

Кейт щелкнула пальцами, и Милли послушно пододвинула к ней планшет с эскизами.

— Я запускаю капсулу: «Maternity Couture», — глаза Кейт вспыхнули знакомым хищным азартом. — Черный струя-

щийся шелк с титановой нитью, глубокие V-образные вырезы, корсеты с эластичными вставками без давления на диафрагму и кожаные португепи под грудь. Чтобы каждая женщина, вынашивающая ребенка, чувствовала себя не неповоротливым бегемотом, а опасной королевой, способной править миром между приемами фолиевой кислоты.

— О-о-о, это разъеб, рыжая, — присвистнула Ника, разглядывая эскиз полупрозрачного платья с открытой спиной. — Я первая в очереди на предзаказ.

Ника сделала глоток, и вдруг ее звонкий, дерзкий тон едва заметно дрогнул. Она опустила стаканчик на блюдце, начала методично ковырять ногтем край салфетки и отвела взгляд куда-то в сторону купола Пантеона.

Кейт и Милли переглянулись. Для Ники Моро — олимпийской фурии, привыкшей перешагивать через любые препятствия, — такая заминка была громче sireны тревоги.

— Ник? — мягко позвала Кейт. — Ты чего?

Ника шумно выдохнула, провела ладонью по коротко стриженным волосам и криво, с явной попыткой защититься привычным цинизмом, усмехнулась: — Да так... Короче, мы с Лео, кажется, сломали кровать в гостевой спальне. И диван в гостиной. И капот его «Астон Мартина».

— Это мы уже слышали в прошлый вторник, — невозмутимо заметила Милли, поправляя очки. — Твой коэффициент износа мебели превышает все допустимые нормы амортизации.

— Да нет, профессор, ты не поняла, — Ника опустила плечи, и ее голос стал тихим, лишенным обычной бравады. — Мы не просто трахаемся как ненормальные. Мы... пытаемся. Уже полгода.

На террасе повисла мягкая, понимающая тишина.

— И? — тихо спросила Кейт, подаваясь вперед и накрывая ладонь подруги своей теплой рукой.

— И ничего, — зло выплюнула Ника, хотя в уголках ее глаз блеснули предательские слезы, которые она тут же сердито смахнула. — Ноль. Каждые гребаные двадцать восемь дней — одна полоска. Я уже все позы из Камасутры перепробовала, ноги к потолку задирала на полчаса после каждого захода, березкой стояла, пока кровь к башке не прилиwała! Лео уже устрицы жрет килограммами и витамины пьет горстями, как не в себя. Он шутит, конечно, смеется, говорит: «Ничего, Моро, зато тренировочный процесс приятный», но я же вижу, как он смотрит на тесты. Он после каждого отрицательного ходит с мордой побитого спаниеля.

Ника шмыгнула носом и сжала пальцы Кейт: — Я боюсь, девочки. У меня же за спиной пятнадцать лет профессионального спорта, блокады, сушка, падения на крестец... Вдруг я внутри просто... сломана?

— Так, цыц, — безапелляционно скомандовала Кейт, сжав ее руку так крепко, что у чемпионки побелели костяшки. — Слушай меня сюда, Моро. Ты не сломана. Твое тело — машина, которая выдерживала перегрузки в четыре «G»

на льду. Ему просто нужно время, чтобы понять, что война закончилась и можно выдохнуть. Полгода — это вообще не срок.

— Согласно медицинской статистике репродуктивной системы, — мягко, но уверенно включилась Милли, убирая строгий тон, — у абсолютно здоровых пар вероятность зачатия в одном цикле составляет всего двадцать два процента. Полгода — это стандартный адаптационный период. Я сегодня же запишу тебя к лучшему профессору в клинику Нейи, мы проверим гормональный фон и снимем все страхи. Поняла меня?

Ника посмотрела на подруг, шмыгнула носом и вдруг слабо, криво улыбнулась: — Если этот профессор скажет, что мне нельзя пить текилу и материться, я его пошлю.

— Мы ему разрешим тебя связать, — рассмеялась Кейт.

Напряжение спало. Ника вытерла глаза салфеткой, сделала глубокий вдох и вдруг... ее взгляд мгновенно сменился с уязвимого на шkodный, прищуренный и до боли опасный.

Она перевела прицел на Милли, которая как раз аккуратно отпивала эспрессо.

— Так, с моими трубами и с пузом Кейт мы разобрались, — вкрадчиво протянула Ника, уперев локти в стол. — А теперь давайте перейдем к главному десерту. Эмилия Дюбуа. Доктор филологии. Хранительница невинности Латинского квартала.

Милли поперхнулась кофе. Чашка со стуком опустилась

на блюде. — Что?

— Не «что», а «кто», — подхватила Кейт, моментально включившись в охоту. На ее губах расплылась точно такая же хищная дублинская ухмылка. — Рассказывай, профессор. Ромео Беранже. Главный тактический аналитик «ПСЖ» и по совместительству человек, который на нашей свадьбе пообещал зайти к тебе на кафедру ровно в восемь утра.

Милли почувствовала, как предательский, раскаленный румянец заливает ее шею, поднимаясь к скулам и кончикам ушей. Она демонстративно выпрямила спину, натянув на лицо маску абсолютной академической невозмутимости:

— Мы контактируем исключительно в рамках рабочей необходимости. Месье Беранже курирует вопросы безопасности серверов нашего благотворительного фонда и...

— «Месье Беранже»?! — взвыла Ника, хлопая ладонью по столу. — Кейт, ты слышала это?! Она называет мужика, у которого бицепс размером с мою талию, «месье Беранже»? Милли, не придумывай мне тут про серверы! Я видела, как этот шкаф на прошлой неделе забирал тебя из университета. Он стоял у твоего корпуса, прислонившись к черному «Гелику», в этом своем пальто, и смотрел на тебя так, будто прикидывал, сколько секунд тебе понадобится, чтобы сорвать с него рубашку!

— Он просто контролировал периметр! — отчаянно защищалась Милли, поправляя съехавшие очки. — В Латинском квартале сложная криминогенная обстановка!

— Ага, особенно в районе твоей юбки — там обстановка вообще пожароопасная, — сказала Кейт. — Милли, брось. У него на лбу написано, что он хочет разложить тебя прямо на твоих древнегреческих манускриптах и перевести все твои стоны на латынь. Он к тебе подкатывал? Признавайся!

— Нет! — соврала Милли, хотя перед глазами мгновенно вспыхнуло воспоминание: полутемный салон его машины два дня назад, запах кожи и можжевельника, тяжелая ладонь Ромео, накрывшая ее пальцы на рычаге переключения передач, и его тихий, хриплый шепот у самого уха: *«Вы слишком много думаете, доктор филологии. Иногда полезно просто отключить приборы»*.

— Ты врешь, — прищурилась Ника. — У тебя левое веко дергается, когда ты врешь. Он тебя трогал? Целовал? Или этот спецназовец до сих пор соблюдает Женевскую конвенцию?

— Девочки, прекратите, — Милли попыталась вернуть голосу ледяную строгость, хотя сердце внутри колотилось как бешеное. — Ромео — опасный, непредсказуемый субъект с закрытым военным прошлым. Он не вписывается ни в одну систему долгосрочных эмоциональных связей. С точки зрения теории вероятностей...

— О боже, опять ее вероятности! — Кейт закатила глаза и бросила в Милли виноградину. — Засунь свою теорию вероятностей ему в задний карман джинсов, Милли! Мужик прошел за мной сквозь семибалльный шторм и резал банди-

тов в соснах, а ты боишься, что он помнет твои бумажки? Он на тебя запал. Наглухо. И если ты не сдашься сама, он возьмет твою кафедру штурмом. Светошумовыми гранатами и наручниками.

— Кстати о наручниках, — хмыкнула Ника, подмигнув. — У него точно есть пара тактических. Спроси, ради науки. Милли задохнулась от возмущения, но ответить не успела.

На стеклянном столике завибрировал ее рабочий телефон. На темном экране высветилось всего одно слово, от которого у нее пересохло в горле:

«Р. Беранже».

Кейт и Ника синхронно вытянули шеи, уставившись на экран, а затем обе уставились на Милли с выражением лиц двух заговорщиц, выигравших джекпот.

— Ну давай, профессор, — сладко протянула Ника, откидываясь на спинку кресла. — Ответь «месье Беранже». Скажи, что твои серверы требуют срочной перезагрузки на дому.

Милли судорожно сглотнула, схватила телефон и, стараясь унять предательскую дрожь в пальцах, провела по экрану, сбросив звонок.

Глава 3. Синтаксис желания

Капли осеннего дождя разбивались о лобовое стекло маленького белого «Пежо», превращая огни вечернего бульвара Сен-Жермен в дрожащие рубиновые и золотые полосы.

Милли вела машину на автомате. Ее пальцы в тонких кожаных перчатках цепко сжимали руль, но мысли были бесконечно далеки от плотного парижского трафика. Телефон на магнитной панели перед ней затих, однако имя на темном дисплее продолжало гореть перед внутренним взором, как выжженное клеймо.

Она знала: сопротивляться этой гравитации было сродни попытке остановить прилив голыми руками.

Память с безжалостной отчетливостью перенесла ее на три недели назад. В то самое утро после свадьбы Кейт и Марко в Сен-Тропе.

Париж. Исторический корпус Сорбонны. 07:58 утра.

Аудитория номер четыре на кафедре сравнительного языкознания еще утопала в полупрозрачном утреннем тумане, пробивавшемся сквозь высокие арочные окна. Пахло мелом, вековым дубом парт, пчелиным воском и старой типографской краской.

Милли пришла за сорок минут до начала открытого семинара для магистрантов. Она была в безупречном темно-си-

нем костюме-тройке: строгие брюки со стрелками, шелковая блузка цвета топленого молока, застегнутая на все пуговицы, и тонкие золотые очки, создававшие идеальный барьер между ней и внешним миром.

Она методично раскладывала методички на массивной преподавательской кафедре, убеждая себя, что ночные слова на террасе были лишь пьяной бравадой бывшего военного, разгоряченного сабли.

Секундная стрелка старинных настенных часов со щелчком встала на двенадцать.

Ровно 08:00.

Тяжелая дубовая дверь в конце аудитории не просто открылась — она подалась вперед с легким, леденящим душу звуком, словно впустила в зал арктический циклон.

Шаги по паркету были мягкими, хищными, бесшумными.

Милли не подняла головы, но кожа на ее шее мгновенно покрылась колючими мурашками. Воздух в аудитории сгустился, вытесняя запах мела ароматом дорогого табака, мокрой шерсти, холодного можжевельника и концентрированного мужского жара.

Ромео Беранже шел между рядами пустых парт.

На нем было темно-серое кашемировое пальто, расстегнутое на груди, черная водолазка, обтягивающая каменные пластины грудных мышц, и тяжелые армейские ботинки, которые смотрелись вопиющим святотатством в колыбели европейской науки. В нем не было ничего от университетского

служащего. Это был хищник, вошедший в открытый загон.

Он остановился по ту сторону массивного дубового стола кафедры, уперев ладони в полированное дерево и нависнув над ней.

— Вы не заперли дверь, доктор Дюбуа, — его голос, низкий, с вибрирующей бархатной хрипотой, ударил по ее слуху, заставив пальцы на ручке дрогнуть. — Тактическая ошибка.

Милли заставила себя медленно поднять взгляд. Ее сердце пропустило удар, а затем заколотилось где-то в горле с бешеной, яростной силой.

В серых, не знающих пощады глазах Ромео не осталось и следа той расслабленности, с которой он стоял на свадьбе. Там горело темное, густое, первобытное пламя — чистый, неприкрытый голод мужчины, пришедшего забрать обещанное. Его взгляд скользнул по ее лицу, зацепился за строгий ворот блузки, опустился к вырезу жилетки, оценивая скрытые под тканью изгибы с такой откровенной, раздевающей дерзостью, что Милли физически почувствовала, как по ее позвоночнику стекает капля раскаленного воска.

— Здесь общественное пространство, месье Беранже, — ровно произнесла она, глядя ему прямо в переносицу. — Через двадцать минут начнется лекция по синтаксическим структурам провансальского диалекта. Вы нарушаете регламент учебного заведения.

Ромео не ответил.

Он обошел кафедру одним плавным, текучим движением, сокращая разделявшие их метры в долю секунды.

Прежде чем Милли успела отступить, его тяжелое, высокое тело отрезало ей все пути к отступлению. Он загнал ее в угол между дубовым столом и высокой меловой доской. Воздух между ними вспыхнул.

Ромео положил широкие ладони на край стола по обе стороны от ее бедер, намертво блокируя пространство. От него веяло чистой, подавляющей силой и той первобытной, пьянящей похотью, перед которой академическая броня рассыпалась в пыль.

— Плевать я хотел на ваш регламент, Эмилия, — прошептал он, склоняясь к ее лицу так близко, что его горячее дыхание коснулось ее приоткрытых губ.

Его взгляд стал почти черным. Он медленно протянул руку и кончиками грубых, мозолистых пальцев коснулся ее шеи — прямо над воротником блузки, там, где под тонкой кожей судорожно, предательски бился пульс.

Прикосновение обожгло, словно открытый огонь. Милли затаила дыхание, чувствуя, как сладостная, тяжелая волна вожделения ударила в низ живота, лишая мышцы воли. Ей безумно, до звона в ушах захотелось податься вперед, вжаться в его твердую грудь, сорвать эти проклятые очки и позволить ему сделать то, что обещали его расширенные зрачки.

— Пульс сто сорок, — тихо, с садистским наслаждением констатировал Ромео, скользя пальцем выше, к линии ее че-

люсти, заставляя ее запрокинуть голову. — Зрачки расширены на три миллиметра. Дыхание поверхностное. С точки зрения баллистики и тактики, профессор... ваша крепость пала за четыре секунды. Вы зажаты в угол, и у вас нет ни одного контраргумента. Признайте поражение.

Он подался вперед еще на сантиметр, его губы почти коснулись ее виска, предвкушая капитуляцию. Он ждал испуга, слез или безвольной покорности.

Но Эмилия Дюбуа не зря защитила докторскую в двадцать шесть.

Внутри нее вспыхнула яростная, гордая искра. Она заставила свое тело выпрямиться, вопреки парализующему жару между бедер, медленно подняла правую руку и аккуратно, кончиками пальцев коснулась лацкана его пальто.

Ее жест был почти интимным, но во взгляде зеленых глаз за стеклами очков вспыхнула острая, ледяная сталь.

Она посмотрела прямо в его темные зрачки, не моргнув, и заговорила — тихо, вкрадчиво, с идеальной профессорской дикцией, в которой звенел чистый яд:

— С точки зрения семиотики, месье Беранже, ваша осада — это не триумф, а классический плеоназм: избыточная, дешевая демонстрация силы там, где вы уже потерпели концептуальный крах.

Ромео едва заметно прищурился, его пальцы на ее шее замерли.

— Вы пришли сюда ровно в восемь утра не потому, что вы

контролируете ситуацию, — продолжала Милли, сокращая последние миллиметры между их губами, но не позволяя поцелую случиться. — А потому, что за всю ночь вы так и не смогли выбросить меня из своей головы. Вы не спали, Ромео. Вы считали часы. А в военной стратегии тот, кто бросается на амбразуру без приказа командования, считается не победителем. Он считается заложником собственной obsessions.

Она слегка наклонила голову, и на ее губах появилась тонкая, убийственная усмешка:

— Так кто из нас двоих сейчас стоит на коленях в капкане?

Секунда тишины между ними была натянута до предела, готовая лопнуть от невыносимого электричества.

В серых глазах Ромео Беранже на мгновение отразился подлинный, ошеломляющий шок. А затем... его лицо дрогнуло.

На губах наемника расплылась медленная, темная, по-настоящему восхищенная и опасная улыбка. Он понял: перед ним не просто красивая добыча. Перед ним равный противник, способный резать скальпелем интеллекта глубже, чем он — боевым ножом.

В коридоре послышались первые шаги студентов.

Ромео медленно, с неохотой убрал руку с ее шеи, но напоследок провел большим пальцем по ее нижней губе, сбивая помаду: — Один — один, доктор филологии. Но следующий раунд будет на моей территории.

Милли резко выдохнула, возвращаясь в реальность.

Машина стояла на светофоре у моста Сен-Мишель. Ее ладони на руле были влажными, а сердце колотилось с тем же безумным ритмом, что и в то утро.

Она протянула руку к панели, сняла блокировку со смартфона и набрала номер.

Гудок прошел всего один.

— Вы долго думали, Эмилия, — раздался в динамике знакомый, низкий голос Ромео, перечеркивая шум парижского дождя. — Пятнадцать минут задержки.

Милли глубоко вдохнула осенний воздух, поправила очки на переносице и ровно ответила: — Я слушаю вас, месье Беранже. Надеюсь, у вас есть веские основания нарушать мой личный график.

— Более чем, — отрезал Ромео, и в его голосе мгновенно проступили сухие, боевые ноты. — Закройте окна и заблокируйте двери автомобиля. За вами хвост от самого ателье Кейт. Две машины. И они работают не по правилам спортивной аналитики. Выполняйте правый поворот на набережную, я перехватываю вас через девяносто секунд.

Глава 4. Погрешность первого впечатления

Шины маленького «Пежо» взвизгнули на мокром бетоне с яростным, вибрирующим скрежетом, сорвавшись в занос на крутом спиральном съезде трехуровневого подземного паркинга под набережной Сен-Мишель.

Милли выкрутила руль до упора, с юзом влетая в тускло освещенный, полупустой нижний сектор. В воздухе стоял удушливый запах жженой резины, сырого бетона, машинного масла и холодной пыли.

В зеркале заднего вида по гладким стенам парковки скользнули два хищных ксеноновых луча.

Тяжелый черный «Гелендваген» цвета матового графита с глухим, утробным рычанием восьмицилиндрового мотора перекрыл единственный выезд из кармана, намертво запечатывая ее автомобиль бампер к бамперу.

Водительская дверь распахнулась. На бетон ступил тяжелый армейский ботинок, и сквозь желтоватый свет флуоресцентных ламп к ней неторопливо шагнул Ромео Беранже. На нем не было пальто — только черная хлопковая рубашка с закатанными до локтей рукавами, обтягивающая бугры широких плеч, и кобура скрытого ношения на бедре. В зубах

тлела короткая сигарета.

Второй машины не существовало.

Вся эта чертова паническая гонка от улицы Тюренн, радиопомехи в эфире и мигающие фары позади были одним большим, изощренным стресс-тестом. Он сам вел ее. Он сам срезал ей углы. Он сам срежиссировал этот приступ тахикардии, чтобы загнать ее под землю, в закрытый бетонный мешок.

Внутри Милли что-то с треском оборвалось.

Обычно сдержанная, выверенная до миллиметра, привыкшая гасить любые эмоции холодным академическим анализом, сейчас она просто взорвалась. Вся ее профессорская невозмутимость вылетела в трубу.

Она с дикой силой выбила ногой дверцу «Пежо», выскочила на холодный бетон и с оглушительным грохотом впечатала створку обратно.

— ТЫ СОВСЕМ ЕБАНУЛСЯ, БЕРАНЖЕ?! — ее крик, резкий, сорванный, совершенно не похожий на ее привычный бархатный лекторский голос, эхом ударил в бетонные своды паркинга.

Она не просто говорила — она орала, срываясь на звенящий, яростный фальцет, размахивая руками, чего не позволяла себе никогда в жизни:

— Ты что творишь, скотина?! Какого черта ты устроил эту клоунату среди вечернего Парижа?! Я тебе кто вообще такая, а?! Подопытная крыса в твоём армейском вольере?!

Ты возомнил себя богом или комендантом концлагеря, чтобы по любому своему ебаному капризу устраивать мне проверки и гонять меня по набережным на скорости сто десять километров в час?!

Ромео не сбавил шага. Он глубоко затанулся, сплюнул окурок на бетон, методично раздавил его носком ботинка и подошел к ней вплотную. Его фигура мгновенно заслонила свет тусклой лампы над головой, накрывая Милли широкой, душной тенью. От него пахло морозным табаком, нагретой кожей, порохом и тем диким, концентрированным мужским жаром, от которого у нее моментально свело низ живота.

— Реакция — четыре с минусом, доктор Дюбуа, — спокойно, с леденящей, сводящей с ума хрипотой произнес Ромео, не моргая глядя в ее горящие яростью глаза. — Вы пропустили первую слепую зону на бульваре Вольтер. Забыли проверить правое зеркало при входе в шпильку.

— ДА МНЕ НАСРАТЬ НА ТВОИ ЗЕРКАЛА! — сорвалась на визг Милли, в ярости толкая его ладонями в каменную грудь. — Прекрати раздувать катастрофу из пустоты! Никто за мной не охотится! Мне абсолютно ничего не угрожает, слышишь ты, больной параноик?! Ты выдумал этот цирк на ровном месте, чтобы потешить свое раздутое эго! Ты никто мне! НИКТО! Слышишь?! У тебя нет надо мной никакой власти!

В серых глазах Ромео вспыхнуло опасное, первобытное пламя.

— Никто, говоришь? — прорычал он.

Прежде чем она успела сделать вдох, его широкая ладонь в жестком, железном захвате легла ей на талию. Одним плавным, сокрушительным движением Ромео оторвал ее от земли и вжал спиной в еще горячий, гудящий капот ее «Пежо». Металл глухо отозвался на удар.

Вторая его рука грубо, по-хозяйски скользнула к ее затылку, пальцы впились в светлые шелковистые пряди ее каре, запрокидывая ее голову назад, выставляя беззащитную белую шею под его взгляд.

Воздух между ними вспыхнул.

Его бедро жестко вклинилось между ее ног, безжалостно раздвигая полы пальто, прижимаясь к ней с такой каменной, бесстыдной твердостью, что Милли сдавленно, прерывисто всхлипнула. Через ткань брюк она физически почувствовала тяжелый, раскаленный стержень его пульсирующего, взбешенного желания.

— Полтора года, Эмилия, — прошептал Ромео ей прямо в приоткрытый рот, обжигая дыханием. — Полтора гребаных года ты строишь из себя неприступную ледяную статую.

И в этот момент память с безжалостной четкостью подкинула день, когда их пути пересеклись впервые.

Полтора года назад. Закрытая переговорная тренировочной базы «ПСЖ».

Скандал гремел на всю Европу. Младшая сестра Марко Дюрана выкрала с клубных серверов черновики спонсор-

ских контрактов и слила таблоидам фальшивку: якобы роман Лео Васкеса и олимпийской чемпионки Ники Моро был фикцией, прописанной клубом ради пиара.

Милли приехала ночью — в очках, строгом костюме, с тремя ноутбуками, чтобы провести лингвистическую и цифровую экспертизу метаданных фальшивого документа и доказать подлог до утренней прессы.

Именно тогда в дверях впервые появился Ромео Беранже — новый начальник аналитической безопасности, пришедший из теневой разведки.

Он вошел, окинул растрепанную, уставшую Милли уничижительным, холодным взглядом с высоты своего двухметрового роста и процедил сквозь зубы руководству: — И это ваше секретное оружие? Очередная кабинетная филологичка с завышенным либидо и красным дипломом? Женщина в принципе не способна быть профессионалом такого уровня. Она не может быть настолько умной, чтобы распутать военный алгоритм подмены данных. Уберите эту куклу, пока она не залила клавиатуру слезами.

Милли тогда даже не повысила голос.

Она медленно поднялась из-за стола, поправила дужку очков, взяла в руку тяжелый хрустальный стакан, до краев наполненный ледяной минеральной водой с лимоном, подошла к Беранже вплотную...

И с размаху, не моргнув глазом, выплеснула всю ледяную воду прямо в его каменную, самодовольную физиономию.

Капли стекали по его породистому носу, капали на черную футболку. Ромео замер, его челюсти сжались до белого скрежета, рука инстинктивно дернулась к кобуре под курткой.

— С точки зрения классической риторики, месье Беранже, — отчеканила тогда Милли ледяным тоном, глядя в его бешеные глаза, — ваш речевой аппарат страдает острой формой фекального недержания. А с точки зрения аналитики — вы идиот, пропустивший подмену IP-адреса на сервере Лиона три часа назад. Сядьте в угол, обсохните и не мешайте мне спасти репутацию ваших футболистов.

Она доказала подлог за двадцать минут до выхода газет.

И с той самой ночи между ними началась глухая, изматывающая, искрящаяся война.

Все эти полтора года Ромео не оставлял ее в покое. Он находил ее научные статьи в международных вестниках, распечатывал их и присылал ей обратно курьером с ядовитыми, едкими правками на полях, сделанными красным маркером: *«Слабая логическая цепочка в третьем параграфе, доктор»*, *«Слишком много воды для человека с докторской степенью»*, *«Женская эмоциональность портит структуру»*. При личных встречах он продолжал бросать ей в лицо свои язвительные замечания о том, что академическая среда — это просто песочница для тех, кто боится настоящей грязи.

Но за этим показным пренебрежением скрывалось другое. Ромео медленно, методично, против собственной воли то-

нул в ее гениальном, беспощадном уме. Он читал каждую ее строчку. Он видел, как она щелкает шифры, которые ставили в тупик его лучших штабных аналитиков. Он ненавидел то, насколько она была умна, насколько безупречно держала удар, и эта ненависть за полтора года переплавилась в дикую, темную, маниакальную одержимость.

— Помнишь ту воду, профессор? — прорычал Ромео в полумраке паркинга.

Его пальцы на ее затылке сжались сильнее, заставляя Милли выгнуться на капоте навстречу его телу, вжимаясь пахом в его бедро.

— Ты тогда облила меня холодной водой, — его голос упал до низкого, вибрирующего хрипа, в котором клокотала чистая, животная похоть. — А я уже полтора года думаю только о том, как сорву с тебя этот чертов строгий костюм, разорву твои кружевные трусики в клочья и заставлю тебя течь на мои пальцы прямо на твоих гребаных рукописях. Ты стонешь так же заумно, как пишешь свои диссертации, Эмилия?

У Милли перехватило дыхание.

Жар между бедер стал невыносимым, пульсирующим, сносящим остатки рассудка. Ее ладони, вместо того чтобы оттолкнуть его, сами вцепились в широкие плечи наемника, сминая плотную ткань черной рубашки. Она чувствовала, как от его бедер исходит чистый огонь, как дрожат его пальцы от желания взять ее прямо здесь, на пыльном капоте

под гудение вентиляции.

— Какой богатый... словарный запас для человека, который полтора года присылал мне рецензии с ошибками в пунктуации, — сдавленно, с обжигающей издевкой выдохнула Милли, глядя прямо в его потемневшие зрачки. Ее грудь тяжело вздымалась, прижимаясь к его груди. — Ты полтора года читал мои работы по ночам, Беранже. Ты выучил наизусть каждую мою статью. Ты дробил на мои монографии в своей казарме, признайся?

Ромео глухо, утробно зарычал.

Его свободная рука скользнула по ее бедру вверх, грубо сминая ткань брюк, пальцы с силой вжались в ее ребра, приподнимая ее над металлом:

— Мой словарный запас, доктор филологии, сейчас сведется к трем командам: заткнись, раздвинь ноги и держись за край капота. И поверь мне — ты забудешь все свои шесть языков, когда я войду в тебя до самого упора.

— Попробуй заставить, — прошептала Милли ему в самые губы, сгорая в том же безумии, провоцируя, требуя, теряя контроль.

Ромео оскалился — хищно, страшно. Он наклонился, его губы замерли в миллиметре от ее рта, готовые сорвать первый сокрушительный поцелуй. Он уже подался вперед, предвкушая ее полную капитуляцию...

В эту самую секунду правая рука Милли, свободно висевшая вдоль бедра, скользнула в открытое отделение ее кожаной сумки.

ной сумки, лежавшей на краю капота.

Пальцы нащупали холодный пластик полулитровой бутылки минеральной воды.

Одним резким, заученным движением большого пальца Милли сорвала спортивную крышку-клапан. И прежде чем Беранже успел понять, что происходит, она с силой сжала податливый пластик, направляя тугую струю ледяной воды прямо в лицо наемника.

Водяной заряд хлестнул Ромео по глазам, носу, плотно сжатым губам и хлынул вниз, моментально пропитывая воротник и грудь его черной рубашки.

Ромео замер, отпрянув назад на полшага от неожиданности и моргая от заливавшей ресницы воды. Хватка на ее талии ослабла.

Милли не потеряла ни доли секунды.

Она грациозно соскользнула с капота на ноги, одним движением поправила полы пальто и, глядя на мокрого, остолбеневшего громилу снизу вверх, с безупречной профессорской дикцией отчеканила:

— Остудись, Беранже. Ты явно перевозбудился.

Она развернулась на каблуках, швырнула пустую бутылку в мусорный бак у колонны, села за руль «Пежо» и захлопнула дверь. Центральный замок щелкнул.

Мотор взревел. Милли выкрутила руль, сдала назад и по идеальной траектории обогнула «Гелендваген», с визгом резины устремляясь вверх по пандусу на мокрые улицы Пари-

жа.

Ромео остался стоять посреди пустого паркинга.

Вода стекала по его небритому подбородку, тяжелыми каплями падая на мокрую, прилипшую к мощному торсу ткань рубашки. Он медленно провел ладонью по лицу, стирая капли, глядя вслед исчезающим в темноте красным газонным огням ее машины.

Он был в абсолютном, немом шоке. Ни одна женщина в мире — ни один вооруженный наемник — не позволял себе повернуть такое дважды.

А затем... тишину подземного уровня разорвал его негромкий, хриплый, утробный смех.

На губах Ромео Беранже расплылась медленная, темная, по-настоящему опасная и восхищенная улыбка. Он втянул прохладный воздух сквозь зубы и тихо, в пустоту паркинга, произнес:

— Сумасшедшая сука... Ну держись, доктор филологии. Игра только начинается.

Глава 5. Тень на Гей-Люссак

Темнота в прихожей казалась осязаемой — густой, маслянистой, пахнувшей пылью старого паркета и чужой, горькой тревогой.

Милли замерла, не опуская руку от выключателя. Ее сердце колотилось где-то у самого горла, отбивая бешеный ритм загнанного зверя. Пальцы инстинктивно сжались в кулак, нащупывая в кармане пальто связку тяжелых латунных ключей — единственное оружие, которое было в ее распоряжении.

«Запах табака. Мокрая ткань. Кто-то внутри».

Она не сделала шага назад. Медленно, бесшумно перенесла вес тела на правую ногу, прислушиваясь к пустоте квартиры. За окнами хлестал дождь, с глухим шелестом стекая по стеклам эркера. В глубине коридора мерно, с сухим шелканьем тикали старинные настенные часы.

Две секунды. Пять. Десять.

Ни шороха ткани. Ни чужого дыхания.

Милли с силой щелкнула клавишей выключателя еще раз. Медная люстра в прихожей с легким треском вспыхнула мягким желтым светом, выхватывая из темноты привычный, идеальный порядок: ровный ряд книг на консоли, зонт в подставке, чистое зеркало в позолоченной раме.

Никого.

Она осторожно прошла в гостиную, толкнула дверь в кухню, заглянула в спальню. Квартира была абсолютно пуста.

Только на кухне узкая створка старинной форточки оказалась приоткрыта на пару дюймов — сквозняк затянул с узкого колодца внутреннего двора запах сигаретного дыма соседа снизу, старого месье Лефевра, который курил крепкий «Житан» на балконе в любую погоду.

Ложная тревога.

Милли прислонилась спиной к кухонной столешнице и шумно, прерывисто выдохнула, прижав ледяные ладони к горящему лицу. Ее мелко трясло. Паранойя Беранже пустила ядовитые корни прямо в ее сознание. Всего за один вечер этот двухметровый солдафон умудрился превратить ее тихое, незыблемое убежище в полигон сомнительных угроз.

Она скинула пальто, стянула строгие брюки и встала под обжигающие струи душа, пытаясь смыть с кожи запах жженой резины, паркинга и... его.

Но горячая вода не смывала воспоминаний. Напротив — под упругими струями кожа на шее и ключицах горела там, где ее сжимали его грубые, мозолистые пальцы. Мышцы бедер ныли от фантомного давления его веса на капоте. Внизу живота разливалась тяжелая, тягучая, пульсирующая пустота, которую невозможно было заглушить ни мылом, ни холодной водой.

В полночь Милли сидела за массивным дубовым столом в гостиной.

На ней была лишь тонкая шелковая сорочка цвета лунного камня и мягкий шерстяной кардиган, сползавший с плеча. Волосы были влажными, на переносице снова сидели очки в золотой оправе. Перед ней лежали раскрытые рукописи двенадцатого века — провансальские поэмы трубадуров с сложнейшей системой аллитераций.

Она пыталась работать. Она заставляла свой блестящий, натренированный ум вгрызаться в латинские корни и грамматические структуры, но буквы на пергаменте расплывались.

Вместо средневековых строк перед ее глазами стояло его лицо.

Темные, не знающие пощады серые глаза в полумраке подземного паркинга. Желваки, ходящие на жестких скулах. Тяжелый, раскаленный стержень, вжатый в ее бедро через ткань одежды. И его низкий, сокрушительный шепот, от которого дрожали внутренности: *«Я заставляю тебя течь на мои пальцы прямо на твоих гребаных рукописях...»*.

Милли с глухим стоном выронила перьевую ручку. Чернила капнули на черновик, расплываясь темным пятном.

— Прекрати, — прошептала она в тишину комнаты, впиваясь пальцами в виски. — Прекрати, Эмилия. Это просто адреналин. Физиологическая реакция на стресс.

Но тело отказывалось подчиняться логике.

Ее соски затвердели под тонким шелком, натягивая ткань до болезненной чувствительности. Между бедер стало невы-

носимо, обжигаяще мокро. Воздух в комнате казался слишком плотным, душным, пропитанным чистым, нерастраченным желанием, которое копилось полтора года под маской сарказма и академической вражды.

Она поднялась из-за стола, на негнущихся ногах дошла до спальни и упала на широкую постель, не разбирая покрывала.

В комнате было темно, лишь свет уличного фонаря сквозь тюль чертил на потолке косые тени. Дождь методично барабанил по карнизу.

Милли зажмурилась. Дрожащая рука скользила по шелку сорочки вниз — мимо напряженного, тяжело вздымающегося живота, прямо к бедрам. Пальцы подцепили тонкую ткань трусиков, сдвигая ее в сторону, и коснулись раскаленной, влажной плоти.

Короткий, сдавленный стон сорвался с ее губ.

Это было безумием. Она никогда не позволяла себе терять контроль. Но сейчас, стоило ей сомкнуть пальцы на пульсирующем клиторе, перед внутренним взором мгновенно возник образ Ромео.

Она представляла не себя. Она представляла его тяжелые, грубые ладони, сдирающие с нее этот шелк. Представляла, как он нависает над ней на этой самой кровати — огромный, чужой, пахнущий можжевельником и опасностью, — как его сильные пальцы безжалостно раздвигают ее колени, а серые глаза следят за каждым вздохом.

«Заткнись, раздвинь ноги и держись...» — звенел в ее памяти его хриплый приказ.

Движения ее руки стали быстрее, отчаяннее, глубже. Милли закусил губу до крови, выгибаясь на простынях, сжимая другой рукой шелковую подушку. Жар внутри нарастал с чудовищной скоростью, закручиваясь в тугую, раскаленный узел. Ее бедра непроизвольно подавались навстречу собственным пальцам, воображая чужую, сокрушительную силу, берущую ее глубоко и без пощады.

В момент, когда волна оргазма накрыла ее, Милли задохнулась.

Это было не мягкое облегчение — это был взрыв, ослепительный спазм, разорвавший тело на части. Она всхлипнула, запрокидывая голову, сжимая бедра вокруг дрожащей руки, пока пульсирующие судороги выбивали из нее остатки воздуха и самообладания.

Она лежала в полумраке, тяжело, прерывисто хватая ртом холодный воздух спальни. По вискам стекали капли пота, шелк сорочки прилип к груди.

Осознание того, с *чьим именем* на губах она только что кончила, ударило в мозг ледяным позором и яростью.

— Ну какая же ты сволочь, Ромео... — хрипло, со слезами бессильного гнева на глазах выдохнула Милли в пустую комнату. — Какая же ты бессовестная, расчетливая сволочь.

Она перевернулась на бок, подтянув колени к груди.

Решение созрело мгновенно, кристально ясное и жесткое,

как гранит: *дистанция*. Абсолютная, глухая, непробиваемая изоляция. Никаких встреч наедине. Никаких споров в паркингах. Никаких ответов на его звонки. Она вернется в свой безопасный университетский мир и вычеркнет этого наемника из своей жизни, пока он окончательно не разрушил ее до основания.

Милли закрыла глаза, надеясь, что сон наконец придет.

Глава 6. Гений на службе «ПСЖ»

Тактический штаб аналитического центра в новом тренировочном комплексе «ПСЖ» в Пуасси напоминал командный пункт объединенного командования специальных операций.

Здесь не было футбольных вымпелов, автографов в золоченых рамках или глянцевых трофеев. Только полумрак, глухие звукоизоляционные панели из темного базальта, монотонный, низкий гул серверных стоек и гигантская изогнутая медиастена высокого разрешения, заливавшая комнату холодным синеватым свечением.

За длинным столом из матового стекла сидели шестеро: спортивный директор клуба, главный тренер, пара ведущих тактиков и два представителя совета директоров. Перед каждым стояли нетронутые чашки с остывшим кофе и раскрытые планшеты. Все взгляды были прикованы к человеку, стоявшему у центрального экрана.

Ромео Беранже не сидел.

Он стоял, опираясь бедром о край металлической стойки, в безупречно сидящих темных брюках и черной рубашке из плотного льна с закатанными до локтей рукавами. На его широком левом предплечье темнел контур старого армейского шрама, уходящего под манжету. В зубах наемника не было

сигареты — здесь не курили, но хищная, ленивая сосредоточенность в его позе заставляла присутствующих вжиматься в спинки кресел при каждом его движении.

На гигантском экране в режиме реального времени крутилась трехмерная симуляция предстоящего матча против «Баварии».

— Вы тратите восемьдесят миллионов евро на трансфер левого вингера, надеясь на скорость прорыва по бровке, — голос Ромео звучал негромко, но его низкий, ровный тембр заполнял комнату без остатка, вибрируя в перепонках. — Это ошибка стоимостью в вылет из четвертьфинала.

Он даже не взглянул на пульт — его палец скользнул по сенсорной панели, и на экране мгновенно перестроилась тепловая карта перемещения соперника:

— Их правый центральный защитник, де Лигт, на шестидесятой минуте теряет координацию смещения на сорок сантиметров влево при плотном давлении. Его пульсовая зона уходит за сто восемьдесят ударов, микромоторика колена дает сбой после застарелой травмы связок. Если Марко Дюран делает диагональную передачу не в ноги нападающему, а в свободный коридор за спину опорника с задержкой в полторы секунды — линия обороны Мюнхена рассыпается. Вероятность чистого выхода один на один — восемьдесят девять процентов.

Главный тренер — седовласый итальянец, выигравший за карьеру три европейских кубка, — подался вперед, взгляды-

ваясь в графики биомеханики: — Но по классической схеме зонной опеки...

— Забудьте ваши классические схемы, — холодно, без тени пиетета отрезал Ромео, перечеркнув графики движением ладони. — Футбол на этом уровне — это не геометрия мяча. Это война на истощение нервной системы и эксплуатация физиологических дефектов. Я разложил фазы дыхания каждого игрока стартового состава немцев. Мы не будем с ними соревноваться во владении мячом. Мы ломаем их ритм на сорок седьмой минуте, когда у их опорной зоны начнется кислородное голодание.

В переговорной повисла звенящая, благоговейная тишина.

Члены совета директоров переглянулись. Для них этот двухметровый аналитик с холодными серыми глазами и неясным военным прошлым оставался непостижимой, почти пугающей аномалией. Он пришел в клуб полтора года назад и за считанные месяцы превратил статистический отдел в хирургический скальпель, просчитывающий исход матчей с пугающей, стопроцентной точностью. Никто не знал, где он научился читать людей как открытые мишени, но спорить с ним не осмеливался даже президент клуба.

— План утвержден, — выдохнул спортивный директор, закрывая папку. — Все данные передать Дюрану и Васкесу на вечерней тренировке. Свободны, джентльмены.

Мужчины начали быстро собирать вещи, стараясь как

можно скорее покинуть тяжелую, душную ауру Беранже.

Едва массивная дверь переговорной с шипением закрылась, отрезая шум коридора, лицо Ромео изменилось.

Холодная маска спортивного стратега осыпалась. Он тяжело выдохнул сквозь зубы, провел ладонью по коротко стриженным темным волосам и подошел к своему личному рабочему терминалу в углу зала.

Этот экран был изолирован от общей клубной сети и защищен тройным криптографическим протоколом.

Ромео опустился в кресло, нажал комбинацию клавиш на клавиатуре, и на матовом черном стекле вспыхнула интерактивная спутниковая карта Парижа с высоким разрешением.

Шестой и пятый округа. Латинский квартал.

Тонкая пульсирующая зеленая точка горела в самом центре исторического корпуса Сорбонны — аудитория номер четыре на кафедре сравнительного языкознания.

Ромео затянулся воздухом, и его челюсти сжались до белого скрежета.

Она не выходила из его головы ни на долю секунды.

Все эти часы, пока он рассчитывал перегрузки спортсменов и перестраивал тактические матрицы клуба, его собственный мозг был намертво, маниакально зациклен на одной-единственной координате. Он помнил вкус ледяной воды на своих губах. Помнил яростный, звонкий звук ее крика в паркинге, запах ее кожи, когда он вжимал ее в капот, и то, как ее тело — вопреки всем ее проклятым книгам и диссер-

тациям — плавилось под его ладонями, требуя большего.

«Остудись, Беранже. Ты явно перевозбудился».

Ее дерзкий, ядовитый шепот звенел в его ушах, как пощечина. Никто и никогда не смел оставлять его вот так — с раскаленной до предела кровью посреди пустого бетона.

Его пальцы методично переключили слои карты.

На экране высветилась сетка перемещений Эмили Дюбуа за последние двадцать четыре часа. Каждый шаг: выход из подъезда на улице Гей-Люссак в 07:42, покупка круассана и двойного эспresso в пекарне на углу Сен-Жак ровно в 07:51, вход через северные ворота университета в 08:04.

Она двигалась по городу с наивной, убийственной предсказуемостью. Женщина, способная взломать государственный шифр за сорок минут, в реальном мире была абсолютно незащитна. Она шла по открытым улицам, не проверяя хвосты, не глядя по сторонам, уверенная, что ее высокий интеллект и академический статус служат надежным бронези-летом.

Ромео приблизил зум камеры наружного наблюдения над входом в Сорбонну.

Сквозь мелкую сетку осенней мороси объектив выхватил ее фигуру: строгое бежевое пальто, темно-зеленый кашемировый шарф, золотая оправа очков и стопка папок, прижатая к груди. Она шла быстро, глядя себе под ноги, с той гордой, недостигаемой осанкой, от которой у него внутри все пере-ворачивалось в слепой, первобытный узел собственнической

жести и желания.

— Дистанция, значит... — прошептал Ромео в полумрак зала, и на его губах появилась темная, опасная усмешка. — Решила поиграть в молчанку, доктор филологии.

Он потянулся к пачке сигарет, забыв про запрет на курение в серверной, чиркнул зажигалкой и выпустил густую струю дыма прямо в холодный экран, застилая изображение ее хрупкого силуэта.

Она думала, что закрыла дверь. Думала, что вчерашний душ из бутылки поставил точку.

Но Ромео Беранже никогда не отступал от намеченной цели. Он знал: периметр вокруг нее сужается с каждым часом, и если гордая профессорша отказывается признать надвигающуюся бурю добровольно — он сам станет этой бурей.

В тишине аналитического центра раздался негромкий стук в бронированную дверь.

Ромео мгновенно свернул спутниковую карту одним движением пальца: — Войдите.

На пороге стоял молодой курьер клубной службы доставки в фирменном дождевике. Парень переминался с ноги на ногу, явно робея перед тяжелым взглядом шефа аналитики.

— Простите, месье Беранже... — пробормотал курьер, протягивая плотный прямоугольный пакет из грубой крафтовой бумаги без каких-либо штампов почтовой службы. — Это доставили только что на КПП базы. Сказали — лично вам в руки. Без обратного адреса.

Глава 7. Письмо без обратного адреса

Ромео не шелохнулся.

Он сидел за своим терминалом, держа пальцы на краю клавиатуры, и лишь медленно поднял тяжелый, немигающий взгляд на протянутый конверт.

Пакет был нестандартным: плотный, тяжелый, из грубой неотбеленной крафтовой бумаги формата А4, запечатанный не клейкой лентой, а залитый по клапану полосой черного тугоплавкого сургуча. Ни штрихкодов курьерских служб, ни наклеек сортировочных центров, ни почтовых марок. На лицевой стороне черной тушью от руки — резким, каллиграфическим, почти чертежным почерком — значилось лишь одно имя:

«Р. Беранже. Лично».

— Кто передал? — голос Ромео прозвучал сухо, свинцово, без единой интонации.

— На... на КПП подошел человек, — заикаясь, выдавил парень, протягивая конверт ближе. — В дождевике с капюшоном, лица не видно. Сказал, что это конфиденциальные аналитические материалы по трансферному окну от внешнего аудитора, и сразу ушел в сторону шоссе. Сказал отдать

сию секунду лично в руки.

Ромео протянул руку и забрал конверт.

Даже сквозь плотную бумагу подушечки его пальцев мгновенно уловили едва заметную, пугающую деталь: внутри не было пластиковых карт или электронных носителей. Там лежал всего один лист. Но бумага была специфической — тяжелая, пористая, с легким, въевшимся запахом гари, сухого пустынного песка и едкого машинного масла.

— Вы свободны, — бросил Ромео, не глядя на курьера. — Закройте за собой внешнюю дверь и скажите охране на въезде, чтобы сохранили записи камер наблюдения за последние двадцать минут.

Парень торопливо кивнул и буквально вылетел из кабинета. Щелкнул тяжелый магнитный замок.

В штабе остался только дежурный старший IT-аналитик смены, Люка — двадцатилетний вундеркинд, настроивший алгоритмы слежения на дальнем конце стола. Парень украдкой покосился на шефа, продолжая тихо щелкать по клавишам.

Ромео достал из кармана узкий тактический нож. Лезвие из вороненой стали со свистом рассекло плотный крафт по верхнему краю.

Он опустил пальцы внутрь и извлек на свет единственный лист.

Это была обгоревшая по правому краю страница армейского формуляра специального назначения. Официальный

бланк Первого парашютно-десантного полка морской пехоты (1er RPIMa) — элиты французской военной разведки. Документ высшей категории секретности «Très Secret Défense», который должен был быть уничтожен в промышленном шре-дере семь лет назад.

На пожелтевшей от времени бумаге ровным машинописным шрифтом шел список из двенадцати позывных оперативной группы глубокой разведки:

«Скорпион» — 200/03.11.19 (Ликвидирован)

«Цербер» — 200/03.11.19 (Ликвидирован)

«Вектор» — 200/03.11.19 (Ликвидирован)... Девять имен из двенадцати были перечеркнуты жирными горизонтальными линиями черного маркера. Девять его парней, оставшихся лежать в раскаленном песке на границе Мали и Нигера, когда их конвой продали за чемодан наличных свои же кураторы из Парижа.

Десятый и одиннадцатый позывные стояли с пометкой «Пропал без вести».

А двенадцатая строчка была обведена в плотное, яркое кольцо темно-красной краской: 12. «LOmbre» (Тень) — капитан Р. Беранже.

Но главный удар ждал в самом низу листа.

Там, где на официальных рапортах ставится подпись командующего операцией, от руки, тем же безупречным чертежным почерком было выведено всего одно предложение: «Архив Беранже открыт. Время пошло».

Тишина в аналитическом центре стала абсолютной.

Люка на другом конце зала случайно уронил пластиковый маркер на стекло стола. Звук показался оглушительным, как выстрел. Юноша поднял голову, собираясь извиниться, посмотрел на шефа... и замер с открытым ртом, оцепенев от первобытного ужаса.

Ромео Беранже побелел.

Это не было обычной бледностью от усталости или недосыпа. Вся кровь за долю секунды схлынула с его лица, оставив пепельно-серую, мертвенную маску. Его породистые, резкие скулы натянулись так, что кожа казалась прозрачной. Вены на шее вздулись толстыми канатами, а пальцы, сжимавшие край обгоревшего листа, побелели до хруста костей.

Человек, который не повел бровью под шквальным огнем бандитов на скалах Ирландии, человек, не знавший физиологического страха, сейчас смотрел на пожелтевшую бумагу широко распахнутыми, остекленевшими глазами.

— Месье... месье Беранже? — дрожащим шепотом позвал Люка, боясь пошевелиться. — Вам... вам плохо? Вызвать клубного врача?

Ромео его не слышал.

В его висках с чудовищной силой забил набатный колокол памяти.

Ноябрь 2019 года. Сахель. Пылающий остов бронетранспортера в саванне. Запах горелого мяса его братьев по оружию. Предательство генералов из штаба на бульваре Сен-

Жермен, списавших элитную боевую группу ради сокрытия нелегальных поставок французского тяжелого вооружения.

Тогда выжил только он. Израненный, обгоревший, выползший сквозь зубы и песок.

Перед тем как инсценировать свою гибель и уйти в глубокую тень, Ромео вскрыл главный сервер министерского узла связи в Джибути и выкрал всё: оригиналы аудиозаписей переговоров, номера тайных офшорных счетов генералитета, поддельные накладные и списки продажных чиновников.

Он создал «Архив Беранже» — цифровую ядерную бомбу, зашифрованную сложнейшим кодом. Он спрятал копии в закрытых европейских хранилищах как страховку собственной жизни. Условие негласного перемирия было простым: пока Ромео мертв для системы, молчит и не трогает верхушку — они не трогают его.

Семь лет тишины. Семь лет идеальной маскировки.

И вот теперь — приговор.

Его нашли. Прошлое пробило толщу семи лет и вышло прямо на него. Кто-то сумел вскрыть зашифрованный узел, взломать защитные протоколы и добраться до его тайника. А это означало лишь одно: негласный пакт о ненападении разорван в клочья.

Охота открыта.

За ним — за «Тенью», за последним живым свидетелем бойни в Сахеле — уже выслали группу ликвидаторов. Те, кто стоял за предательством семь лет назад, никогда не оставля-

ли хвостов, если архивы всплывали на поверхность.

Лист в пальцах Ромео вспыхнул.

Он не стал прятать его — поднес зажигалку к сухому краю, глядя, как огонь жадно пожирает список мертвецов и его собственный позывной. Черный пепел осыпался на стекло стола.

Ромео медленно поднял голову. Мертвенная бледность сошла с его лица, уступив место чудовищной, сконцентрированной, беспощадной ярости хищника, который понял, что на него объявлена облава.

— Люка, — его голос прозвучал тихо, но от этого тембра у парня за спиной волосы встали дыбом.

— Д-да, шеф?..

— Заблокируй все внешние порты аналитического отдела. Смени протоколы доступа к клубным серверам. Если через сорок минут Марко Дюран или Лео Васкес спросят, где я — скажи, что я уехал по личному поручению президента клуба в Монако.

Ромео рывком распахнул нижний ящик своего стола.

Там, в скрытой нише под двойным дном, лежал матовый кейс. Он открыл его одним движением: внутри тускло блеснули два модифицированных «Глока-19» с глушителями, запасные магазины повышенной емкости, тактическая гарнитура закрытой связи и ампулы с армейским стимулятором.

Он загнал пистолет в набедренную кобуру под брюками, накинул на плечи тяжелое темно-серое пальто и застегнул

часы.

На циферблате горело: 16:42.

Времени не оставалось. Если за ним начали охоту, весь его привычный мир превращается в зону поражения.

— Вы куда, месье Беранже? — сдавленно пискнул аналитик, видя, как шеф проверяет досылатель патрона в патронник.

Ромео замер у бронированной двери, натягивая черные кожаные перчатки. В его серых глазах больше не было человека. Там стояла «Тень» — палач, принявший вызов на войну.

— Я иду встречать гостей, — отчеканил он и растворился в темноте коридора.

Глава 8. Призрак аудитории номер 2

Сумерки над Латинским кварталом сгущались быстро, окрашивая тяжелые стрельчатые окна Сорбонны в цвет полированного антрацита. Осенний дождь утих, сменившись промозглым, плотным туманом, который оседал на брусчатке внутреннего двора ледяной пленкой.

Милли шла по длинной галерее второго этажа исторического корпуса.

Ее каблуки отбивали четкий, мерный ритм по мозаичному паркету. В это время корпус почти вымирал: студенты разбегались по шумным бистро на бульваре Сен-Мишель, пожилые профессора разъезжались по своим буржуазным квартирам в шестом округе, и в бесконечных коридорах воцарялась гулкая, торжественная тишина. Пахло мелом, сухим дубом книжных стеллажей, переплетами из телячьей кожи и вековой пылью.

Она не планировала сворачивать в западное крыло. Но ноги словно сами привели ее к массивной двустворчатой двери из темного ореха с потускневшей латунной табличкой: «Аудитория 2. Секция сравнительной грамматики».

Дверь была приоткрыта на пару дюймов. Внутри царил

сумрак.

Милли замерла на пороге, не решаясь включить свет. Пальцы в тонких кожаных перчатках сжались на ручке кожаного портфеля.

Воздух в этой аудитории всегда падал на градус ниже, чем во всем здании. Для всех остальных это был просто лекционный амфитеатр с крутыми рядами дубовых парт, высокой кафедрой и старинной грифельной доской во всю стену.

Для нее это был персональный анатомический театр, где пять лет назад ей заживо вырезали сердце.

Память — самый безжалостный лингвистический архив. Она не стирает словарные статьи, она лишь прячет их под гриф «не подлежит воспроизведению».

Пять лет назад. Октябрь.

Эмили Дюбуа тогда было двадцать три.

Она не носила безупречных костюмов-троек, скрывавших фигуру, не смотрела на мир сквозь броню золотых оправ и не умела ставить мужчин на место одной саркастической фразой. Она была наивной, восторженной аспиранткой в безразмерных вязаных свитерах, с вечно растрепанным пшеничным каре и горящими глазами, жившей между библиотекой Сент-Женевьев и рукописным архивом.

И у нее был Лоран Сантем.

Двадцатидевятилетний доцент кафедры, восходящая звезда французской филологии. Безупречный парижский аристократ с тонкими чертами лица, каштановыми кудрями

и бархатным, убаюкивающим голосом. Он носил твидовые пиджаки, цитировал Бодлера в оригинале и смотрел на юную аспирантку так, словно она была единственным живым человеком среди мертвых фолиантов.

Он ухаживал тонко, методично, как опытный паук. Приносил ей жасминовый чай в фарфоровых чашках прямо в архив, оставлял между страницами латинских словарей записки на старофранцузском, целовал ее замерзшие пальцы у этой самой меловой доски в пустой аудитории 2.

Милли отдала ему все.

Она отдала ему свою первую, слепую, благоговейную любовь, свои ночи на скрипучем диване в его мансарде на острове Сен-Луи и... дело всей своей жизни.

Два года она работала над фундаментальным трудом — монографией на стыке высшей математики и сравнительной лингвистики. Это была революционная система дешифровки многослойных средневековых палимпсестов с использованием матричных алгоритмов вероятностей. Труд, который должен был стать ее триумфальной докторской диссертацией.

Лоран читал каждую ее страницу. Он гладил ее по волосам, когда она засыпала от истощения за клавиатурой, шептал: *«Ты гений, mon ange. Мы перевернем академический мир вместе. Мы опубликуем это под нашими именами сразу после твоей защиты».*

А за три недели до официального совета факультета мир

рухнул.

Милли открыла свежий номер престижного кембриджского журнала «*Journal of European Philology*» и онемела.

На первой полосе, под грифом «Главное научное открытие десятилетия», была напечатана ее монография. Слово в слово. Все формулы, все матрицы, весь ее двухлетний ад бессонных ночей.

Автором значился только один человек: *доцент Лоран Сантем*.

Ее имени не было даже в сносках. Ее не упомянули даже как лаборанта.

Она помнила, как влетела в эту аудиторию 2 — задыхающаяся, с побелевшим лицом, сжимающая журнал в дрожащих руках. Лоран стоял у окна, неторопливо потягивая эспрессо.

Она кричала. Она плакала, срывая голос, требуя объяснений, умоляя сказать, что это чудовищная ошибка типографии, что он защитит ее перед деканатом.

Но Лоран даже не поставил чашку на блюдце.

Он повернулся к ней, окинул ее холодным, безразличным, насмешливым взглядом сытого хищника и медленно, с ядовитой улыбкой произнес:

— Ошибки нет, Эмилия. Академический мир — это не кружок благородных девиц, это естественный отбор. Ты всего лишь студентка. Твоей диссертации никто бы не поверил, у тебя нет имени. А у меня есть кафедра, связи в министер-

стве и контракт с Оксфордом. Ты сама отдала мне эти файлы, детка. Добровольно.

— Я уничтожу тебя... — задыхаясь от слез, прохрипела тогда Милли. — Я пойду к ректору! Я покажу черновики!

Лоран тихо, издевательски рассмеялся, сделав шаг к ней и снисходительно похлопав ее по щеке:

— Твои черновики стерты с кафедрального сервера вчера утром. И кому поверит комиссия? Маститому ученому или истеричной девчонке, которая спала с ним ради зачета? Не позорься, Милли. Собери свои бумажки и освободи аудиторию. Ты мне больше не интересна.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дубовую дверь.

Милли осталась одна в полумраке аудитории 2. Она сползла по меловой доске на грязный паркет, сжимая голову руками, и выла — долго, страшно, захлебываясь собственными слезами, пока в груди не выгорело всё живое.

А когда слезы кончились, родилась другая Эмилия Дюбуа.

Она поднялась с пола, вытерла лицо подолом свитера и подошла к зеркалу в гардеробной. В отражении стояла женщина с мертвыми, ледяными изумрудными глазами.

Там, в тишине этой пустой аудитории, Милли принесла свою главную, нерушимую клятву:

«Ни один мужчина больше никогда не коснется моего разума. Ни один мужчина больше никогда не получит власть над моим телом. Никаких чувств. Никакой слабости. Только сталь, логика и контроль».

Она не пошла к ректору. Она заперлась в библиотеке на три месяца, не спала сутками, пила литрами горький кофе и написала совершенно новую, еще более сложную докторскую диссертацию по старопровансальским диалектам, которую защитила в двадцать шесть лет при единоголосном признании комиссии. Сантем попытался поздравить ее на банкете — она прошла мимо него так, словно перед ней стоял пустой стул.

Она надела строгие костюмы, спрятала взгляд за стеклами очков, научилась резать людей словами и выстроила вокруг себя титановый купол. Мужчины стали для нее просто биологическими объектами, подчиненными законам примитивных инстинктов.

Милли резко моргнула, сбрасывая оцепенение памяти.

Холодный воздух пустой аудитории 2 коснулся ее щеки. Она стояла в том же дверном проеме пять лет спустя — признанный ученый, доктор филологии, независимая и недостижимая.

Но почему именно сейчас призрак Лорана Сантема поднялся со дна ее сознания?

Она медленно подняла пальцы в перчатке и коснулась своей шеи — точно там, где вчера на пыльном капоте в подземном паркинге горели пальцы Ромео Беранже.

Кожа до сих пор отзывалась фантомным жаром.

Ромео был полной противоположностью трусливому и скользкому Лорану. В Беранже не было академического лос-

ка и фальшивых стихов. Он был чистой, опасной, первобытной силой — человеком, который не крал чужое исподтишка, а брал на таран, снося любые заборы. Но угроза, исходившая от него, была в сотни раз страшнее.

Лоран украл ее рукописи.

Ромео угрожал содрать с нее самую броню, выжечь ее самообладание до основания и заставить ее молить о капитуляции.

— Не выйдет, — прошептала Милли в темную пустоту аудитории 2, и ее голос прозвучал жестко, как щелчок затвора. — Больше никогда.

Она с силой захлопнула дубовую дверь аудитории, запечатывая прошлое, развернулась на каблуках и зашагала прочь по бесконечной галерее — навстречу сгущающейся парижской ночи, не подозревая, что ее выстроенный из логики карточный домик уже заминирован с обеих сторон.

Глава 9. Охота на хищника

Шесть экранов портативного тактического терминала заливали салон заглушенного «Гелендвагена» мертвенным люминесцентным светом.

Автомобиль стоял в слепой зоне под эстакадой моста Берси. Снизу тяжело катила свои свинцовые воды Сена, разбиваясь о гранитные опоры с глухим, чавкающим плеском. Дождь барабанил по бронированной крыше ровной дробью, а в воздухе салона застыла гремучая смесь из остывшего горького эспрессо, табачной гари и едкого тепла перегретых микросхем.

Ромео сидел на водительском кресле. Его пальцы в бесплатных кожаных перчатках порхали по матовой клавиатуре защищенного военного кейса «Toughbook» со скоростью пулеметной очереди.

На левом мониторе бежали зеленые строки командной строки: шел взлом закрытого защищенного шлюза единой сети видеофиксации и системных логов префектуры полиции Парижа.

Семь лет назад, уходя на дно, Ромео оставил в корневых каталогах французских спецслужб три спящих цифровых бэкдора. Они не светились в отчетах безопасности, не определялись стандартными фаерволами контрразведки и актив-

вировались только при передаче уникального шестнадцатеричного ключа.

Enter.

Экран моргнул. Система дрогнула, пропуская его внутрь. Он искал следы группы зачистки, отправленной по его душу. По армейскому протоколу ликвидаторы всегда начинали с изоляции цели: пробивали базы перелетов, поднимали данные биллинга, проверяли его пентхаус на острове Сен-Луи, тренировочную базу в Пуасси и старые закрытые счета.

Ромео методично прогонял через нейросетевые фильтры базы данных спецслужб, выискивая запросы на свое имя или старый позывной «LOmbre».

Результат был нулевым.

В сводках наружного наблюдения контрразведки царил абсолютная, сонная тишина. Никто не запрашивал ордеров на прослушку его номеров, никто не ставил маячки на его машины, а периметры вокруг его личных объектов оставались абсолютно чистыми.

Ромео нахмурился. Желваки на его скулах окаменели, пальцы замерли над сенсорной панелью.

«Не сходится. Если мой архив вскрыт, приказ на ликвидацию отдается в первые пятнадцать минут. Почему они не ищут меня?»

Он открыл лог-файл резервного узла связи в Джибути — того самого законсервированного сервера, где хранилась мастер-копия «Архива Беранже». Защита архива состояла из

трех барьеров: военный алгоритм шифрования, динамический ключ на базе староирландских рунических матриц и закрытый код декомпиляции.

Ромео вывел на экран системные логи момента, когда защитный контур дал сбой.

Взлом произошел не через грубый перебор паролей спецслужб и не через утечку ключей генералитета. Внешний щит архива был не пробит — он был *растворен*.

Кто-то применил уникальный, нестандартный скрипт языкового сопоставления, который распознал редкую диалектную структуру рунического ключа и обошел защиту по побочным семантическим веткам.

Ромео прищурился, вглядываясь в синтаксис команды дешифровки, всплывшей в телеметрии запроса.

Сердце пропустило глухой, тяжелый удар.

Этот синтаксис был ему знаком. Каждая строчка, каждая логическая связка, изящная математическая логика построения матриц вероятностей...

Это была не военная разработка.

Это была методология из научной монографии по сравнительной грамматике и палимпсестам. Той самой монографии, которую он полтора года назад распечатывал ночью в штабе, яростно черкая на полях едкими красными чернилами.

Эмилия.

Картинка в его голове перевернулась с оглушительным,

сокрушительным грохотом, ломая всю выстроенную логику обороны.

Когда Кейт ОКоннор выкрала черные папки Киллиана Вэнса из горящего поместья Хоут, в них содержались схемы отмывания миллиардов евро через европейские подставные фонды. Милли двое суток сидела за терминалом, расшифровывая ирландские счета для передачи в Лион и Интерпол.

Но дублинский синдикат отмывал грязные деньги через те же самые французские правительственные счета министерства обороны, которые Ромео семь лет назад зафиксировал в своем «Архиве».

Милли просто выполняла свою работу. Она применила свой авторский лингвистический алгоритм к ирландским транзакциям, не зная, что они намертво привязаны к секретным протоколам генералитета. Ее код, как хирургический зонд, прошел сквозь базы данных и срезал верхнюю защитную пломбу с его архива, оставив в глобальной сети четкий, безупречный авторский след.

Они охотятся не за ним.

Генерал де Валуа и его ручные псы из теневой контрразведки даже не знали, что «Тень» все еще жив и работает в Париже. Они увидели лишь одно: вскрытие архива инициировано из Латинского квартала, а уникальная сигнатура дешифровщика ведет прямо на кафедру сравнительного языкознания Сорбонны.

Они решили, что хрупкая женщина-профессор держит в

руках компромат, способный отправить высшее военное командование страны под трибунал.

— Блять... — сорвалось с губ Ромео хриплым, ледящим шепотом.

Вся кровь прилила к вискам с такой сокрушительной силой, что перед глазами на мгновение все потемнело.

Она была чиста. Никаких следов слежки на улицах прямо сейчас не было лишь потому, что система неповоротлива: бюрократическая машина генералитета только сопоставляла данные IP-адресов и выписывала закрытые директивы. Но как только механизм щелкнет — на нее спустят свору профессионалов, которые не берут пленных и зачищают свидетелей под корень.

А она в это самое время сидит дома за чашкой чая или в пустой аудитории, убежденная, что весь мир подчиняется университетской этике, а надвигающаяся катастрофа — лишь плод его воспаленной армейской паранойи.

Весь его цинизм, все попытки держать дистанцию, вся напускная жесткость — все сгорело за доли секунды. Внутри остался лишь слепой, первобытный инстинкт: *ее* имя попало в прицел расстрельного списка.

Ромео с грохотом захлопнул крышку тактического кейса, бросил его на соседнее сиденье и повернул ключ зажигания. Восьмицилиндровый мотор «Гелендвагена» отозвался глухим, свирепым рыком.

— Ты ничего не понимаешь, Эмилия... — прошептал он

в темноту салона, срывая внедорожник с места и вылетая на мокрый асфальт набережной. — Но теперь ты из-под моего контроля не выйдешь ни на секунду.

Глава 10. Послание на стекле

Ночь над пятым округом Парижа опустилась плотным, липким саваном из речного тумана и мелкой мороси. Старинные газовые фонари на улице Сен-Жак светили тусклыми оранжевыми ореолами, в которых кружилась водяная пыль. В этот час Латинский квартал окончательно вымер: тяжелые кованые ворота Сорбонны были заперты, темные фасады вековых зданий из серого известняка казались неприступными каменными монолитами.

«Гелендваген» Ромео стоял в тени раскидистого платана на противоположной стороне улицы, в ста метрах от северного крыла университета. Мотор был заглушен, фары погашены.

В салоне пахло остывшим табаком, кожей и холодом.

Ромео сидел неподвижно, не снимая перчаток, скрестив руки на руле. Его взгляд сканировал темные окна четвертого этажа — окна кафедры сравнительного языкознания. Там не горел свет, но его боевое чутье, натренированное годами работы в зонах боевых действий, вибрировало, как натянутая струна перед разрывом.

В кармане его тяжелого пальто внезапно коротко, глухо вибрировал одноразовый телефон спутниковой связи — дешевый аппарат без сим-карты, настроенный исключительно

на прием зашифрованных коротких пакетов через анонимные прокси-серверы.

Ромео достал телефон. Монохромный дисплей осветил его лицо бледным зеленоватым светом.

На экране высветилось сообщение с шестнадцатизначного буквенно-цифрового номера, который после прочтения должен был самоуничтожиться:

«Архив открыли не мы. Береги доктора».

Пальцы Беранже сжались на пластиковом корпусе телефона так, что затрещали ребра аппарата.

«Не мы».

Генерал де Валуа и его штабные псы не вскрывали архив. Они лишь получили сигнал о том, что пломба сорвана. А это означало худшее: кто-то третий — теневой игрок, обладающий колоссальными техническими ресурсами и знающий о существовании компромата, — намеренно ставил военную контрразведку и независимого дешифровщика. Кто-то использовал уникальный математический след Милли как наживку, чтобы выманить на поверхность и сам архив, и «Тень», и тех, кто готов был убивать ради его сокрытия.

И этот «кто-то» знал о ней всё.

Экран телефона мигнул, покрылся полосами битых пикселей и погас навсегда — плата сгорела от встроенного микророзряда.

И ровно в эту секунду тишину ночного университета разорвала цифровая аномалия.

На тактическом планшете, лежавшем на пассажирском сиденье «Гелендвагена», вспыхнул ярко-красный индикатор тревоги. Планшет был подключен к цифровому шлюзу Сорбонны через бэкдор, оставленный Ромео несколько часов назад.

На черном фоне монитора тревожно пульсировали строки лог-файлов:

Взлом шел прямо сейчас.

Но это была не внешняя сетевая атака через интернет. Это было прямое физическое подключение через аппаратный порт внутри здания. Кто-то находился в закрытом корпусе Сорбонны, сидел за рабочим терминалом кафедры и методично выкачивал закрытую базу данных редких рукописей — ту самую базу, где хранились черновики дешифровок Милли, ее алгоритмы сопоставления палимпсестов и резервные копии ирландских протоколов.

Ромео не стал тратить секунды на раздумья.

Одним плавным, механическим движением он загнал патрон в патронник «Глока», спрятал оружие под полу пальто, бесшумно приоткрыл дверь внедорожника и растворился в ночном тумане.

Он преодолел трехметровую чугунную ограду внутреннего двора за три секунды, бесшумно приземлившись на носки армейских ботинок в мокрую траву сквера. Ни шороха, ни щелчка гравия.

Дверь служебного входа в восточное крыло, которой поль-

зовались ночные уборщики, оказалась заперта, но замок нес на себе едва заметные следы свежего взлома — тонкие царапины на латунной сердцевине. Ликвидаторы работали чисто, профессиональным набором отмычек.

Ромео толкнул створку плечом и вошел в темное чрево университета.

Внутри стоял тяжелый, знакомый запах: старый дуб, мел, библиотечный воск и... тонкий, синтетический шлейф аэрозольного фреона, которым охлаждали взломанные платы охранных датчиков движения.

Он поднимался по широкой винтовой лестнице без звука, ступая по внешнему краю ступеней, контролируя каждый поворот стволом пистолета с глушителем.

Четвертый этаж. Коридор кафедры сравнительного языкознания тонул в густой, непроглядной тьме.

Но в самом конце галереи, из-под массивной дубовой двери аудитории 4 — рабочего сектора Милли — пробивалась слабая, дрожащая полоска холодного голубого света.

Ромео прижался спиной к стене, нащупал край дверного проема и заглянул внутрь.

Аудитория была пуста, но на ее преподавательском столе мерцал монитор кафедрального моноблока. В системный блок был воткнут плоский черный девайс с мигающим синим светодиодом — армейский аппаратный граббер данных, копирующий всю файловую систему со скоростью нескольких гигабайт в секунду.

Створка высокого окна, выходящего на внутренний сад, была распахнута настежь. Ледяной осенний сквозняк трепал тяжелые портьеры, бросая в комнату брызги дождя.

Взломщик ушел за секунды до его появления, спустившись по альпинистскому фалу прямо в сад.

Ромео подошел к столу. На экране моноблока шкала прогресса застыла на отметке: «Копирование завершено. 100%». Все научные архивы Милли, все ее исследования, алгоритмы и личные заметки были украдены.

Но взломщик оставил не только пустые папки.

Ромео медленно перевел взгляд на широкую грифельную доску, висевшую на стене за спинкой ее кресла.

Там, где днем Милли аккуратным белым мелом выводила сложные формулы провансальской аллитерации, прямо поверх ее ровных записей, черным жирным маркером, въевшимся в матовую поверхность доски, было начертано одно-единственное слово:

«CATHAR» (*Катары*)

А рядом, на оконном стекле, влажном от конденсата и дождя, тем же маркером был выведен аккуратный, тонкий перечеркнутый круг.

Символ баллистического прицела.

Ромео замер, чувствуя, как по его позвоночнику поднимается тяжелая, ледяная волна ярости.

Они забрали ее код. Они получили инструмент, позволяющий вскрыть «Архив Беранже» до самого основания. Но

код без самого создателя был лишь половиной ключа — вторым ключом был мозг Милли, ее способность вручную сводить матрицы вероятностей.

Охотники завершили сбор данных.

Следующим шагом была ликвидация носителя.

Ромео достал из кармана телефон, пальцы быстро набрали номер закрытого коммутатора службы безопасности «ПСЖ»: — Это «Тень». Поднимай мобильную группу перехвата. Объект «Доктор» переходит в категорию наивысшего риска. Перекрыть улицу Гей-Люссак в радиусе двух кварталов. Живо.

Глава 11. Пробоина в системе

Утренний туман над Парижем не рассеялся, а лишь опустился ниже, превратив крыши Сорбонны в размытые серые силуэты. Воздух в аудитории 4 был непривычно сырым и зябким, будто за ночь старинные каменные стены впитали в себя весь холод ночного ливня.

Милли вошла в кабинет ровно в 07:50. На ней было безупречно отутюженное шерстяное пальто цвета темного графита и строгий кашемировый джемпер с высоким воротом. Она сняла перчатки, опустила тяжелый кожаный портфель на угол стола и привычным движением поправила дужку золотых очков.

Внешне аудитория выглядела нетронутой: ровные ряды парт, аккуратно сложенные методички, идеальная чистота на кафедре. Но для аналитического взгляда Милли детали говорили на другом языке.

Она сразу заметила едва уловимые аномалии: Штора на правом окне была зацеплена за деревянную раму не тем краем. Тяжелый латунный засов форточки был повернут на девяносто градусов, а не на сорок пять, как она оставляла вчера. А в воздухе, среди привычных запахов мела и дуба, витал тонкий, синтетический шлейф — запах промышленного спирта и аэрозольного фреона, которым смывают следы с

микросхем.

Милли медленно подошла к окну.

На наружной стороне стекла, в самом углу рамы, остался тонкий, полустертый жирный след — контур перечеркнутого круга. Его пытались стереть тканью, но на холодном конденсате остался едва заметный матовый отпечаток.

Символ баллистического прицела.

Сердце Милли пропустило глухой, тяжелый удар, но внешне она осталась абсолютно неподвижной. Ни судорожного вдоха, ни паники. Лишь зрачки сузились, фиксируя каждую деталь.

Она села в кресло и нажала клавишу питания кафедрального моноблока.

Экран ожил. Операционная система загрузилась штатно, но когда Милли ввела свой административный пароль и открыла системный журнал событий ядра, ее пальцы на клавиатуре мгновенно похолодели.

В 02:14:08 ночи к системному блоку через физический порт на задней панели было подключено внешнее аппаратное устройство. Неизвестный обошел локальные фаерволы Сорбонны за шесть секунд.

В логе висела строка, от которой перехватило дыхание: [DUMP COMPLETE] /ARCHIVES/LINGUISTICS/DECRYPT_ENGINES/2026/PALIMPSEST_v4.tar.gz ->[EXT_DRIVE_0x99B]

Они выкачали всё.

Все ее математические матрицы дешифровки, алгоритмы сопоставления средневековых рунических текстов и — самое страшное — рабочие черновики лионских протоколов, через которые она взламывала счета ирландского синдиката Киллиана Вэнса.

Но взломщик не просто украл файлы. Он оставил глубоко в корневом каталоге спящую директорию с одним-единственным текстовым файлом без расширения.

Милли открыла его через терминал. На черном поле мерцала всего одна строчка на латыни:

«Qui custodit ipsos custodes?»(Кто устережет самих сторожей?)

Это была не случайная кража студенческих работ. Это было прямое, наглое послание от профессионалов высочайшего уровня. Кто-то знал, над чем она работает, знал ее алгоритмы и целенаправленно охотился за ее мозгом.

Рука Милли машинально потянулась к сумочке, где лежал телефон.

Набрать Ромео. Сообщить ему о взломе. Признать, что вчера на паркинге он был прав, что опасность реальна, что она не справляется...

«Нет».

Пальцы замерли в сантиметре от смартфона.

Гордость, закаленная годами изоляции после предательства Сантема, встала на дыбы. Позвонить Беранже прямо сейчас означало добровольно надеть на себя его армейский

ошейник. Это означало признать себя слабой, беспомощной кабинетной куклой, которую нужно прятать в бронированном бункере и кормить с рук.

«Я сама создала этот алгоритм. Я сама смогу отследить цифровой след граббера», — жестко приказала себе Милли, закрывая вкладку терминала.

В этот момент тишину аудитории разорвал громкий, бодрый звонок группового видеочата. На экране смартфона замигали две фотографии: Кейт и Ника.

Милли глубоко вдохнула ледяной воздух, сжала челюсти, силой воли стирая с лица любое проявление тревоги, и провела пальцем по экрану.

— Доброе утро, профессор! — в динамике раздался звонкий, счастливый голос Кейт.

На экране появилась залитая солнцем кухня виллы в Сен-Жермен. Кейт сидела в шелковом халате, прижимая к себе огромную чашку с ромашковым чаем, а на заднем плане Марко в спортивных штанах сосредоточенно измерял рулеткой высоту дверного косяка для подвесной детской люльки.

— Милли, скажи этому двухметровому параноику, что дети не вырастают за три дня на два метра! — закатила глаза Кейт, но в ее изумрудных глазах плескалось такое чистое, абсолютное счастье, от которого у Милли сжалось сердце. — Он собирается спиливать пороги во всем доме, чтобы коляска не вибрировала!

Следом на экране разделилось окно, и появилась Ника.

Фигуристка сидела в машине у входа в клинику Нейи, нервно теребя краешек шарфа. Ее глаза были слегка припухшими, но она старалась улыбаться:

— А мы только что сдали повторный анализ крови на прогестерон... — тихо сказала Ника, бросив взгляд на пустующее водительское кресло. — Лео пошел за кофе. Девочки, если показатели опять упали, я... я не знаю, что делать.

Кейт мгновенно перестала смеяться, подавшись к экрану: — Ника, слышишь меня? Никакой паники. Ты здорова, Лео с тебя пылинки сдувает. Мы ждем результатов вместе, поняла? Я уже шью крестильный чепчик из винтажного кружева, так что у твоих яичников просто нет выбора.

Ника слабо рассмеялась, вытирая уголок глаза: — Ты сумасшедшая, рыжая...

Затем обе женщины перевели взгляд на третье окно чата.

— Милли? — Кейт нахмурилась, вглядываясь в лицо подруги сквозь экран. — Ты какая-то бледная. Опять всю ночь сидела над своими палимпсестами? Ты спала вообще?

— Да, — ровно, с идеальной интонацией соврала Милли, глядя прямо в камеру и нажимая кнопку удаления системных логов на моноблоке. — Просто сложный грамматический разбор старопровансальского текста. Забыла открыть окно.

Она смотрела на Кейт, вынашивающую долгожданную дочь после всего ада в Ирландии. Смотрела на Нику, чье сердце рвалось от страха никогда не стать матерью.

Они только-только начали дышать. Они только-только выбрались из крови, пепла и шторма.

Сказать им сейчас, что архив синдиката ожил, что на кафедру проникли наемники, что над их маленьким безопасным миром снова нависла тень бойни — значило разрушить их покой, спровоцировать Марко на слепую ярость и вогнать Нику в смертельный стресс.

Она не имела права. Ее долг как хранительницы их треугольника — держать удар молча.

— Профессор, ты там держи оборону, — хмыкнула Ника, заметив Лео, возвращающегося с бумажными стаканчиками. — А то «месье Беранже» сегодня на тренировке базы выглядел так, будто готов перекусить штангу пополам. Марко сказал, он ходит по клубу с черным лицом и ни с кем не разговаривает. Вы там вчера опять не поделили синтаксис?

У Милли внутри все обожгло раскаленным железом при упоминании его имени, но ее голос остался гладким, как полированный мрамор:

— У месье Беранже свои задачи, у меня — свои. Мы не пересекаемся. Ника, держи меня в курсе по анализам. Кейт, не позволяй Марко ломать дверные проемы. Я на связи.

— Любим тебя, профессор! — в один голос отозвались подруги, и экран погас.

Милли медленно опустила телефон на стол. В пустой аудитории снова воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

Она осталась одна.

Без Ромео. Без друзей. Один на один с неизвестным врагом, держащим в руках ключи от ее научных трудов и ее жизни.

Милли открыла чистый рабочий лист, вставила флешку в изолированный защищенный порт своего ноутбука и начала вручную переписывать алгоритм шифрования, готовясь к собственной, тихой войне. Она была уверена, что сможет переиграть противника на поле чистой логики.

Она еще не знала, что за окном ее аудитории уже начался обратный отсчет.

Глава 12. Невидимый конвой

Париж превратился для Ромео в шахматную доску размером в три квадратных километра.

Шестой и пятый округа. Бульвар Сен-Мишель, улица Сен-Жак, площадь Пантеона, переулки вокруг Люксембургского сада. Он не спал вторые сутки, поддерживая себя лишь двойным эспрессо без сахара и никотином, но в его серых глазах не было и намека на усталость. Там горел чистый, сфокусированный огонь хищника, взявшего под контроль единственный сектор, где бился пульс его главной уязвимости.

Он изучил ее до мельчайших биомеханических деталей.

Он знал, что в 07:42 она выходит из подъезда на улице Гей-Люссак, поправляя воротник пальто ровно тремя пальцами правой руки. Знал, что при ходьбе по мокрой брусчатке ее шаг укорачивается на семь сантиметров, а когда она думает над сложной задачей, то непроизвольно касается подушечкой указательного пальца нижней губы. Знал, что в кофейне «Le Rostand» она всегда садится за крайний столик у окна спиной к залу — чудовищная, дилетантская ошибка для зоны повышенного риска, от которой у него сводило челюсти.

Она хотела дистанции. Она требовала оставить ее в покое. Она была уверена, что держит ситуацию под контролем и са-

ма разберется со своими файлами.

Но Ромео Беранже никогда не спрашивал разрешения, когда дело касалось выживания.

Первое столкновение произошло в десять утра в тесном бистро на углу улицы Суффлю.

В воздухе витал густой аромат свежееобжаренной арабики, теплого сливочного масла и мокрой шерсти дождевиков. Милли стояла у высокой цинковой стойки, ожидая свой заказ. На ней было приталенное темно-синее пальто, подчеркивающее тонкую талию, и шелковый платок на шее. Она доставала карту из сумочки, когда пространство справа от нее внезапно сжалось, потеряв добрую половину воздуха.

Знакомый запах можжевельника, морозного табака и тяжелой мужской кожи накрыл ее за долю секунды до того, как чужое плечо коснулось ее плеча.

Ромео возник в полушаге. Он не делал вида, что зашел случайно. Огромный, в расстегнутом темно-сером пальто и черной водолазке, он молча положил пятидесятиевровую купюру на стойку перед опешившим бариста, накрыв стаканчик Милли своей широкой ладонью в черной перчатке.

— Без сахара и на миндальном молоке, — не глядя на нее, негромко бросил Ромео бармену тем низким, бархатным басом, от которого у Милли мгновенно перехватило дыхание. — И добавьте корицу. Доктор Дюбуа сегодня плохо спала.

Милли застыла. Ее ладонь с картой повисла в воздухе. Кровь с сокрушительной силой ударила в виски, выжигая

остатки терпения.

Она резко развернулась к нему, не заботясь о том, что в кофейне сидит десяток посетителей:

— Ты что здесь делаешь?! — ее голос, обычно выверенный и бархатный, сорвался на злой, свистящий шепот, готовый перейти в крик. — Ты преследуешь меня?! Ты караулишь меня на каждом углу, Беранже?!

Ромео медленно повернул голову. Его серые глаза скользнули по ее лицу — по покрасневшимся от злости скулам, по приоткрытым, влажным губам, по вздымающейся под тонким пальто груди. В его взгляде не было вины. Там плескалась такая густая, первобытная, раздевающая похоть, смешанная с насмешкой, что у Милли между бедер предательски сжался тугой, раскаленный узел.

— Я покупаю кофе, Эмилия, — спокойно отозвался он, сокращая дистанцию так, что его грудь почти коснулась ее пальцев. — Общественное заведение. Или на этот перекресток у Сорбонны у тебя оформлена монополия?

— Прекрати этот цирк! — Милли с силой толкнула его в плечо, но наемник даже не качнулся — он стоял как вековая гранитная скала. — Отвали от меня! Слышишь?! Нет никакой опасности! Никто за мной не охотится, всё в полном порядке! Ты сам себе выдумал эту войну, чтобы лезть в мою жизнь и тешить свое эго! Оставь меня в покое!

Ромео наклонился к ее уху. Его горячее дыхание обожгло мочку, заставив волоски на ее шее встать дыбом: — Забери

свой кофе, профессор. И прекрати стоять спиной к дверям.

Прежде чем она успела выплеснуть на него вторую порцию яда, Ромео забрал сдачу, коротко мазнул пальцем по ее талии через ткань пальто, посылая по ее позвоночнику электрический разряд, и вышел на залитую дождем улицу.

Второе пересечение случилось в три часа дня в букинистической лавке на улице Сен-Андре-дез-Ар.

Узкие, скрипучие проходы между рядами трехметровых стеллажей тонули в мягком полумраке. Пахло старой типографской краской, сушеными травами и переплетами шестнадцатого века. Милли искала редкий словарь латинских палимпсестов в самом дальнем, глухом тупике лавки.

Она потянулась рукой к верхней полке, вытягиваясь всем телом, когда за ее спиной скрипнула половица.

Она не успела обернуться.

Тяжелое, горячее тело прижалось к ее спине сзади, буквально впечатывая ее в деревянный стеллаж. Широкая ладонь Ромео легко, поверх ее пальцев, сняла с верхней полки нужный тяжелый фолиант в кожаном переплете.

Милли оказалась в ловушке.

Спереди — полки с книгами, сзади — монолитная каменная грудь Беранже, его бедра, жестко прижатые к ее ягодицам, и его руки, упершиеся в полки по обе стороны от ее головы, отрезая любые пути к бегству.

Воздух в узком проходе вспыхнул мгновенно.

— Ты... — задохнулась Милли, пытаясь развернуться, но

это лишь усилило трение.

Она почувствовала, как сквозь слои одежды в крестец упирается его тяжелое, каменное, пульсирующее возбуждение. Ромео даже не пытался скрыть, насколько сильно он ее хочет. Он втянул носом воздух у ее виска, вдыхая аромат ее лавандовых духов, шампуня и раскаленной женской кожи.

— Второй раз за день выбираешь слепые тупики, доктор филологии, — прохрипел он ей прямо в шею, обжигая кожу губами. Его голос вибрировал от сдерживаемой, бешеной страсти. — Тебя так легко загнать в угол, что это почти неприлично.

Милли задрожала. Ее колени предательски ослабли. Ей безумно, до потемнения в глазах захотелось откинуться назад, вжаться в его плечи, запрокинуть голову и позволить его рукам сорвать эти проклятые пуговицы прямо среди пыльных книг. Воспоминания о прошлой ночи, о собственных пальцах на простынях с его именем на губах, ударили в голову пьянящим позором.

Она судорожно сжала пальцы на корешке книги, заставив себя заговорить, хотя голос дрожал от накатившей истомы:

— Убери... убери руки, Ромео. Здесь люди.

— Плевать на людей, — выдохнул он, и его ладонь медленно, властно скользнула с полки на ее талию, пальцы с силой вжались в ребра, притягивая ее бедра еще плотнее к своему паху. — Скажи мне прямо сейчас, глядя в глаза, что ты не чувствуешь, как течешь от каждого моего шага рядом.

Скажи, что это тоже паранойя.

— Это отвращение! — выкрикнула Милли в полумрак полка, резко разворачиваясь в кольцо его рук и упираясь ладонями в его твердую грудь. Ее очки съехали, глаза метали изумрудные молнии, щеки пылали пунцовым румянцем: — Ты больной маньяк! Хватит за мной ходить! Я не твоя собственность! Мне ничего не угрожает, слышишь ты?! Прекрати устраивать свои казарменные игры!

Ромео не разозлился.

На его губах появилась та самая темная, опасная, торжествующая усмешка, от которой у нее замирало сердце. Он медленно убрал руки, делая шаг назад и освобождая проход: — Книга хорошая. Бери. Пригодится для работы.

Она вылетела из лавки, едва не сбив витрину, задыхаясь от ярости и собственного предательского тела.

Финальный взрыв произошел в девять вечера у ворот ее дома на улице Гей-Люссак.

Париж заливало ледяным ливнем. Ветер выкручивал зонты, фонари отбрасывали длинные дрожащие тени на мокрый асфальт. Милли почти бежала от перекрестка, прижимая портфель к груди, когда из темноты сквера напротив ее подъезда снова выросла высокая фигура в темно-сером пальто.

Он просто стоял под дождем. Без зонта. Руки в карманах. Неподвижный, как памятник, наблюдающий за ее домом. Это стало последней каплей.

Милли сорвалась окончательно. Она бросила зонт прямо в лужу, перебежала мокрую мостовую и подлетела к нему, вцепившись пальцами в мокрые лацканы его пальто.

— ДА ЧТО С ТОБОЙ НЕ ТАК?! — закричала она сквозь шум ливня, колотя кулаками по его груди. Слезы злости и бессилия смешивались с каплями дождя на ее щеках. — Чего ты от меня хочешь?! Я устала! Устала видеть тебя на каждом шагу! Ты выдумал этот бред про угрозы, про слезку, про врагов! Все в порядке! У меня обычная жизнь! Ты просто психопат, который не может пережить, что женщина не упала к твоим ногам! Оставь... меня... в покое!

Она задыхалась, ее каре промокло насквозь, очки залило водой, а грудь вздымалась рваными, сиплыми толчками.

Ромео не пошевелился под ее ударами. Он позволил ей выплеснуть всю ярость, всю эту слепую, отчаянную попытку защитить свой рушащийся мир.

А затем его руки поднялись.

Он не стал спорить. Он медленно, с пугающей, сокрушительной нежностью снял с ее лица залитые дождем очки, спрятал их в свой внутренний карман, обхватил ее мокрое, пылающее лицо широкими ладонями и заставил посмотреть себе в глаза.

Его взгляд в полумраке улицы был темным, тяжелым и абсолютно, смертельно серьезным.

— Кричи сколько влезет, Эмилия, — тихо, но так отчетливо произнес Ромео, что его голос перекрыл шум дождя. —

Ненавидь меня. Считаю меня психопатом. Обливай меня водой. Но я не отойду от тебя ни на шаг. Потому что когда эта тишина кончится — а она кончится со дня на день — единственное, что будет стоять между тобой и могилой, это я.

Он наклонился, его губы на долю секунды обожгли ее холодный, мокрый лоб тяжелым, собственническим поцелуем.

— Иди домой. Закрой двери на два оборота.

Ромео отпустил ее лицо, развернулся и растворился в темноте сквера, оставив Милли стоять под ледяным дождем посреди улицы — дрожащую, дезориентированную и впервые до смерти напуганную не его присутствием, а осознанием того, как отчаянно ее сердце требовало, чтобы он остался.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.